К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 18 (4141)
Суббота,
6
февраля
1960 г.

Цена 40 коп.

Ленин говорит...

Рисунок народного художника РСФСР Н. ЖУКОВА.

Открытое письмо президенту Италии

Сегодня, 6 февраля, в Москву прибывает с официальным визитом Президент Итальянской Республики Джованни Гронки. Мы помещаем открытое письмо видного общественного и политического деятеля Италии Вини (Джованни Сербандини), активного участника борьбы с наци-фашизмом, бывшего депутата парламента.

ПРОШУ СЛОВА, г-н президент!..

Нет, я не ошибся. Я прекрасно знаю, что нахожусь не во дворце Монтечиторио—палате депутатов, где Вы были председателем. Вы, господин Гронки, заняли более высокий пост, самый высокий в Итальянской Республике. Но если при обращении к Вам я употребляю традиционную формулу, то не только потому, что на меня нахлынули волнующие воспоминания о сражениях, развернувшихся в те трудные времена в парламенте и стране.

Поскольку я, итальянец, временно нахожусь в Москве, а Вы приезжаете сюда со столь благородной миссией, то я испытываю нечто большее, чем просто желание обратиться к Вам, самому высокому представителю моей родины, со словами привета. Питая к Вам самые теплые чувства, как бывший член палаты депутатов к ее председателю, я хотел бы быть Вашим провожатым и, бродя вместе с Вами по улицам Москвы, обратить Ваше внимание на то, что роднит нашу страну с Советским Союзом.

Предоставляю другим рассказывать Вам о бесчисленных связях, объединяющих культуру обоих народов. Скажу о другом.

В борьбе за свою свободу итальянский народ дал миру Гарибальди — друга русского демократа Герцена, а доведенный до катастрофы фашизмом, он создал Сопротивление, которое было — и в плане партизанской, и в плане общенародной борьбы — самым сильным и сплоченным во всей Западной Европе. Из Сопротивления родилась Итальянская Республика.

Здесь, в Москве, многое свидетельствует о глубоких связях наших народов и наших стран в годы сопротивления нацистским захватчикам. Может быть, нет нужды все это повторять: ведь Вы тоже деятель Сопротивления, и самая замечательная, самая прогрессивная Ваша речь — речь накануне избрания Президентом республики — была посвящена именно этой славной странице нашей истории.

***

Мы идем по одной из центральных улиц Москвы. Как что-то родное доносится до нас бой часов с одной из башен Кремля (это — Спасская башня, построенная итальянским архитектором Солари в XV веке). Бой Кремлевских курантов мы тайком слушали по радио в дни славной обороны Москвы, Ленинграда, Сталинграда, создавшей решающие предпосылки для нашего Сопротивления. Вместе с боем курантов радиоволны донесли до нас, итальянцев,—коммунистов и католиков, до каждого, кто хотел оставаться человеком, патриотический призыв: создавать невыносимые условия для врага.

Вот стайка московских девушек поет «Катюшу». На мотив этой песни была сложена самая любимая песня итальянских партизан — та, что начинается со слов: «Дует ветер, воет вьюга, башмаки рваные, а надо идти...» Кто знает, как перекочевала к нам эта «Катюша»? Поговорка гласит: «Все дороги ведут в Рим». Может быть, какой-нибудь итальянский солдат, которого Муссолини послал вслед за гитлеровскими агрессорами, услышал на русской земле эту песню. А когда ему довелось убедиться, что здесь живет народ, героически сражающийся за свою свободу, он привез «Катюшу» в Италию, где эта простая русская песня о любви зазвучала как призыв к борьбе за свободу.

А вот резиденция высшего органа власти (это тоже дворец в стиле итальянского Возрождения). Отсюда в 1944 году пришло первое официальное признание нашего правительства, созданного на юге Италии после падения фашизма. В правительственном коммюнике говорилось: «Советская Россия протягивает нам руку, несмотря на все заблуждения прежнего режима. Итальянский народ не забудет этот дружеский акт, совершенный в один из самых трагических периодов его истории». Вам, господин Президент, известно лучше, чем кому бы то ни было, что в нашей прекрасной Италии есть люди с короткой памятью, но Вы также хорошо знаете: «итальянский народ не забудет».

В Москве, в Ленинграде, куда бы Вы ни поехали, Вы наверняка услышите слова и целые фразы на довольно правильном итальянском языке — это будут слова дружбы, названия местностей, расположенных в Апеннинах близ Модены, в Венецианских Альпах, в окрестностях Рима, теплые воспоминания об итальянских коммунистах и деревенских священниках, о бесстрашных женщинах и стариках, которые прятали и лечили раненых партизан, о семи братьях Черви и их отце.

Кто знает столько подробностей об Италии? Разумеется, тот, кто был в числе тысяч советских людей, сражавшихся в отрядах итальянских партизан. Военнопленными их увезли в Италию, но они бежали из нацистских лагерей, чтобы продолжать борьбу рядом с нами. В их сердцах любовь к далекой родине слилась с любовью к угнетенному итальянскому народу. Во имя нашей свободы они воскресили славную эпопею Гарибальди и вписали одну из прекраснейших страниц в историю борьбы народов с фашизмом. И, что особенно важно, ежедневное общение этих простых советских граждан с простыми итальянскими гражданами, придерживавшимися различных мировоззрений и принадлежавших к разным социальным слоям, явилось неопровержимым и весьма веским доказательством того, что мирное сосуществование СССР и Италии не только возможно, но и необходимо.

А теперь разрешите мне, господин Президент, высказать одно предположение. Боюсь, что наш министр иностранных дел забыл вручить Вам перед отъездом в СССР копию изданного несколько лет тому назад правительственного декрета о награждении посмертно золотой медалью Федора Александровича Поэтана, «русского гражданина, партизана». Вот текст этого декрета:

«Вывезенный в Италию русский военнопленный Федор Поэтан бежал из немецкого концлагеря и примкнул к партизанскому движению, с которым его связывала общая вера в принципы свободы. Являя собой пример дисциплинированности и мужества, зная, что идет на верную смерть, Федор Поэтан во время атаки крупных сил противника ринулся во главе небольшого отряда в гущу врагов и открыл огонь. Нападение было столь внезапным и смелым, что противник растерялся и был вынужден сдаться. Немцы понесли большие потери, было захвачено много пленных. Во время этого героического эпизода, изменившего в тот день весь ход событий, Поэтан пал смертью героя во имя идеалов свободы народов».

Я был в числе первых организаторов и участников партизанского движения в Лигурии, где воевал Поэтан. Но не в этом дело. Мне хочется — просто как рядовому итальянцу, — чтобы дух братства, вдохновлявший Поэтана, незримо присутствовал во время Вашей беседы с Н. С. Хрущевым.

***

Надеюсь, господин Президент, что провожатый Вам не наскучил и что рассказанное мною в какой-то мере помогло Вам понять, почему, как заметил один из советских руководителей, советские люди «питают к Италии слабость».

На основе личного опыта, опыта итальянца, приехавшего в Советский Союз для лечения и получившего представление об этой стране по достижениям ее замечательной науки и по теплой, семейной обстановке здешних больниц и санаториев, я могу добавить, что здесь живут и развиваются, бытуют и укореняются те принципы гуманизма, которые соответствуют лучшим традициям итальянской культуры. Поистине, «у будущего доброе старое сердце», — удивительно верно подметил это писатель Карло Леви. Прислушайтесь к биению этого сердца, господин Президент: оно горячее, как солнце Италии.

БИНИ (Дж. СЕРБАНДИНИ)

ДЕЛО УПРОЧЕНИЯ МИРА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

ОПУБЛИКОВАНА Декларация государств — участников Варшавского договора. Это — мудрый, радующий, оптимистический документ. В нем дается анализ международной обстановки. Упомянуты факты, события последних лет и последних дней. Они свежи в нашей памяти. Но в Декларации каждому из этих событий и фактов найдено его место. И общая картина того, что происходит сейчас, того, что еще зреет и развивается, встает перед мысленным взором.

Есть на земном шаре явления, расширяющие дорогу к прочному миру. Есть явления, ведущие к войне. Что победит, что одержит верх? Восторжествует ли мир, разразится ли новая мировая война, которую все еще продолжают готовить темные силы?

От воли народов, от их решимости помешать возникновению войны зависит многое. Об этом конкретно говорится в Декларации.

Приведен следующий пример: если бы одна из великих держав, ведущих сейчас переговоры в Женеве о прекращении испытаний термоядерных бомб, вдруг опять, после более чем годового перерыва, возобновила такие испытания,— «это могло бы повлечь за собой своего рода цепную реакцию, в результате которой наша планета опять была бы превращена в арену соревнования в области испытательных взрывов ядерного оружия со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями».

Но возможны и иные «цепные реакции», иное развитие. Советский Союз сократил свои вооруженные силы еще на одну треть. За этим односторонним актом самого миролюбивого государства на земле должны последовать подобные же акты других государств. И тогда мы начнем все быстрее двигаться к заветной цели: к все более полному, всеобщему разоружению. Хорошие дела будут порождать дела еще лучшие! Мир, сотрудничество, взаимопонимание — все это будет укрепляться.

Декларация, принятая 4 февраля 1960 г. в Москве государствами, участвующими в Варшавском договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, выражает и обосновывает уверенность в том, что развитие мировых событий пойдет именно так, как этого хотят народы всех стран. Упорная борьба двух тенденций продолжается. Но победа будет за силами, отстаивающими мир и светлое будущее человечества.

Декларация не скрывает мрачных, огорчающих фактов и факторов. Влиятельные силы в западных странах продолжают противодействовать упрочению мира. Особенно опасно вооружение Западной Германии, где бундесвером командуют бывшие гитлеровские генералы. Правители ФРГ пытаются помешать успешным переговорам между державами и урегулированию нерешенных международных проблем. Перевооружаются, мечтают о старом и японские милитаристы...

И тем не менее с каждым годом, с каждым днем люди проникаются все большей уверенностью, что им удастся преодолеть «фатальную» обреченность на скатывание к войне, что этой обреченности уже нет.

Человечество сумеет построить свою жизнь на началах разума, не допустить новой войны, обуздать темные силы агрессии.

В Декларации названы деяния, укрепляющие нашу оптимистическую уверенность в этом. Это бурный рост экономической мощи Советского Союза, Китайской Народной Республики и других социалистических стран. Это их сплочение в рамках единого социалистического лагеря. Это активные действия СССР и других социалистических стран на международной арене: поездки государственных деятелей и прежде всего исторический визит Н. С. Хрущева в США, сломавший лед «холодной войны»; предстоящие новые встречи и, в частности, совещание глав правительств в мае 1960 года; решение Верховного Совета СССР о новом сокращении Советских Вооруженных Сил, что становится «общим вкладом Организации Варшавского договора в дело разоружения». Нельзя забывать и о том, что во всем мире, среди всех людей растет сознание необходимости мирного сосуществования всех государств.

В Декларации сказано: «В результате соотношение сил в мире меняется все более в пользу тех, кто выступает за прекращение гонки ракетно-ядерных и иных вооружений, за ликвидацию «холодной войны», за мирное сосуществование между всеми государствами, независимо от их общественного строя и идеологии. Сложилось такое положение, когда любая попытка со стороны какого-либо агрессивного государства прибегнуть к оружию для решения спорных международных вопросов, стать на путь войны привела бы к немедленному и полному разгрому нарушителя мира».

Да, разумеется, все страны, все правительства должны теперь своими действиями, заявлениями, призывами способствовать мирному развитию, не мешать наметившемуся смягчению международной напряженности.

Можно выразить уверенность, что не удадутся, обречены на провал все попытки злых сил войны и агрессии снова осложнить обстановку. Благородная задача — содействовать обеспечению прочного мира на земле — воодушевляет сейчас людей, уже обладающих силой и возможностями добиться именно такого развития.

НОВЫЕ ОДНОАКТНЫЕ ПЬЕСЫ

В Ялте закончился Всесоюзный семинар драматургов, работающих над одноактными пьесами. Семинар был организован Союзом писателей СССР совместно с ВЦСПС. Руководитель семинара Л. Малюгин рассказал нашему корреспонденту:

— Пьесы, которые появились в результате работы семинара, конечно, лишь в малой степени удовлетворят огромную потребность в новом репертуаре, но все же они значительно пополнят репертуар наших народных театров и самодеятельных кружков. Отрадно отметить, что все пьесы посвящены проблемам современности.

Радует жанровое разнообразие новых пьес: среди них есть и психологические драмы, и лирические комедии, и сатирические миниатюры. Широка и география новых пьес: от Закарпатья до Забайкалья, от северных областей до южных республик СССР.

Среди наиболее интересных произведений —пьесы москвичей Ю. Грачевского, А. Елагиной, А. Ирошникова, горьковчанки Т. Глебовой, читинца В. Вялых, белгородца А. Аляутдинова, украинцев В. Лаборешных, А. Очеретного, М. Савченко, белорусов А. Махнача, М. Скрипки, латыша Яна Луциса, армянина Г. Баса, узбека Б. Халилова.

«Литературная газета» в Якутии

«Литературная газета» продолжает посылать выездные редакции в поездки по стране.

5 февраля выездная редакция «Литературной газеты» отправилась из Москвы в Якутск. В ее составе — прозаики, поэты, журналисты Москвы, Риги, Новосибирска, Сухуми: Никита Болотников (руководитель коллектива), Шамиль Акусба, Ростислав Артамонов, Борис Куняев, Казимир Лисовский, Василий Литвинов, Юрий Полухин, Владимир Сапожников, Адольф Талцис, фотокорреспондент Алексей Лидов. В Якутске состав редакции пополнится местными писателями и журналистами.

Из столицы Якутской республики коллектив выездной редакции совершит ряд поездок в горнорудные и алмазные, а также сельскохозяйственные районы, побывает на пушных промыслах побережья Северного Ледовитого океана.

Срок работы выездной редакции — полтора месяца.

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- ☆ Декларация государств — участников Варшавского договора зовет к миру.
- ☆ Сегодня в СССР приезжает Президент Итальянской Республики **Д. Гронки.**
- ☆ «Иркутская история» в Театре имени Вахтангова.
- ☆ Открытие горьковского профессора.
- ☆ Стихи **Льва Озерова** и **Антанаса Ионинаса.**
- ☆ Отрывок из новой пьесы **Виктора Розова** «Неравный бой».
- ☆ Куба сегодня.
- ☆ В субботней почте:
  Против религиозного фанатизма.
  Письмо из Израиля.
  Вреден ли «Том Сойер»?

В середине XX века...

Е. СУРКОВ

О ТОМ, что события, образовавшие фабулу «Иркутской истории», произошли именно в это время, мы узнаем сразу же, едва открывается занавес. В первой же реплике хора об этом сообщается даже с некоторой торжественностью — так, как будто бы нам предстоит и впрямь стать свидетелями дел в полном смысле слова исторических.

А между тем ничего достойного истории в арбузовской пьесе не происходит. Разлаживается любовь кассирши Вали и электрика Виктора Бойцова, и озорная, бесшабашная Валя, которую на стройке запросто кличут Валькой-дешевкой, становится, к всеобщему удивлению, женой машиниста-экскаваторщика Сергея Серегина, парня серьезного и всеми уважаемого. Потом Сергей внезапно гибнет, спасая тонущих детей, а Валя идет работать на тот самый экскаватор, на котором до того работал ее муж. Словом, обычная, будничная история из жизни ничем особенно не примечательных людей. Стоило ли ее так прямо соотносить с историей века? Не претенциозно ли это?

А зачем понадобился Арбузову хор? То эпически комментирующий действие, то впрямую вмешивающийся в него и всегда, на всем протяжении пьесы, как дружественный соглядатай, по пятам следующий за участвующими в ней лицами? Можно подумать, что драматург ввел его только для того, чтобы возбудить у нас какие-то ассоциации с античной трагедией. Но — «Иркутская история» и «Медея»?! Не претенциозно ли самое посягновение на такую ассоциацию?

Да и персонажи в «Иркутской истории» то живут, как это и подобает персонажам всякой драмы, тем, что составляет содержание данной минуты их жизни, безраздельно погруженные в ее волнения и тревоги, то вдруг разрывают нить своего сценического бытия, чтобы откуда-то издалека, из **будущего**, взглянуть на себя таких, какими они были в **той** своей жизни. Так будущее врывается в естественное течение пьесы, и то, что сейчас составляет настоящее для ее героев, вдруг осознается ими, как их прошедшее.

Зачем? Есть ли в таких временных сдвигах какой-нибудь художественный смысл? Или они, как писал один критик, свидетельствуют только о желании Арбузова «сознательно идти на разрушение сценической иллюзии»?

Конечно, представить себе драматурга, который сознательно стремился бы взорвать сценическую иллюзию, так же трудно, как, скажем, представить себе человека, ради развлечения занимающегося перепиливанием собственных конечностей. Но, может быть, если и не сознательно, то бессознательно, невольно, следуя какому-то ложному замыслу, автор «Иркутской истории» все-таки нарушил сценическую правду, и, как писал тот же критик, неосмотрительно прервав «душевный контакт» между сценой и зрительным залом, по сути, отдал дань «новаторству, лишь кажущемуся таковым»?

Однако никакого нарушения контакта между актерами и зрителями на представлениях «Иркутской истории» не происходит! Напротив, мы давно уже не наблюдали такой радостной самоотдачи сцене, с какой зрители театра имени Евг. Вахтангова следят за перипетиями «Иркутской истории». Похоже, что они вовсе не испытывают необходимости в очищении пьесы от всех тех композиционных сдвигов и условностей, которыми Арбузов осложнил драматургическое изложение судьбы героев и против которых наш критик расставил свои осудительные «нотабене».

Впрочем, попробуем все же прислушаться к нему и освободим мысленно пьесу и спектакль от всего того, что мешает «поверить в совершающееся на ...сцене, как в правду». И от назойливого хора, и от «жалостливого самокомментария» героини, и от расхолаживающих предвосхищений того, что еще только должно свершиться на наших глазах в следующую минуту.

Выиграет ли от таких упрощений пьеса? Нет, проиграет. Больше того: разрушится, перестанет существовать как художественное целое. Ведь то, что традиционалистски настроенному воображению нашего критика представляется всего лишь ложным оригинальничанием, на самом деле составляет художественную суть пьесы, ее плоть и поэтическую атмосферу.

ВРЕМЯ всегда было полноправным участником всех драматургических композиций Арбузова. Оно входило в его пьесы не как фон и не как внешнее условие действия, а как та решающая и активная драматургическая сила, во взаимодействии с которой и происходило формирование характеров основных арбузовских персонажей. Недаром даже композиционно пьесы Арбузова обычно строились как повествования, длительно протяженные во времени. Не одно какое-то событие, заключившее в себе всю судьбу человека, а цепь событий, растянувшихся иногда на десятилетия, проходит перед нами в «Танее», в «Европейской хронике», в «Годах странствий». И именно во взаимодействии с этим меняющимся на наших глазах временем и осуществляется драматургическое раскрытие героев этих пьес.

В «Иркутской истории» фабула локализована вокруг одного события, никакой видимой связью с ходом века не соединенного. А между тем в «Иркутской истории» именно время ощутимо входит во всю атмосферу пьесы и придает волнующую глубину и значительность событиям, которые в ином освещении могли бы показаться тривиальными.

Повторяем, в самой фабуле «Иркутской истории» нет ничего ни особо значительного, ни нового. Да и о героях Арбузова тоже не скажешь, что они впервые предстали перед нами именно в этом спектакле. В «Иркутской истории» Арбузов имеет дело с теми же девушками и юношами, с той же бытовой средой, с какой мы уже имели случай познакомиться в пьесах А. Володина, М. Львовского, Э. Брагинского, В. Пистоленко. Причем он вовсе не скрывает этого сходства! Так же, как и его предшественники, он (особенно поначалу) пишет портреты своих героев в приемах бытовой живописи, бережно отбирает их любимые словечки, хлесткие жаргонные выраженьица, точно передает их своеобычные ухватки и манеры. Видно, ему очень важно, чтобы его герои сразу же предстали перед нами не в розовом свете идеализации, а во всей своей обычности и бытовой конкретности. Арбузов хочет, чтобы мы познакомились с его Валей, Витькой, Сергеем накоротке и по возможности интимнее, так, чтобы все в них — хорошее и плохое, истинное и ложное, органичное и временное, наносное — сразу же стало нам видно и понятно во всей своей живописной и характерной контрастности.

Зачем же?

Вот Сергей. О нем уже было сказано в критике: настоящий положительный герой. И он действительно прочно располагает к себе: по-солдатски прямой, отважный, по-юношески чуткий ко всему хорошему, светлому, серьезный, непримиримо честный. И то, что он гибнет, спасая других, воспринимается не как праздная сюжетная неожиданность, а как драматическая катастрофа, помогающая увидеть самую суть его характера. Случайность здесь почему-то и закономерна с художественной точки зрения, что дает возможность до конца оценить высокий человеческий потенциал его крепкой, цельной натуры.

Эту основу в характере Сергея очень точно уловили в вахтанговском театре. М. Ульянов именно так надежно положителен и скромно серьезен, добротен в каждом своем слове и поступке, каким и должен быть арбузовский Сергей. Ему можно довериться. И мы, зрители, легко понимаем, почему та сияющая веселым светом молодости, озорная до лихости, до самозабвения, стремительная и гордая Валя, какую с поразительным соответствием авторскому замыслу играет Ю. Борисова, могла предпочесть Сергея легкому, как и она, веселому и в то же время как-то тревожно безответственному в своем отношении и к людям и к жизни Витьке Бойцову.

И все-таки именно рядом с Валей Сергей в конце концов в чем-то заметно проигрывает. Ведь Валя эмоционально щедрее и ярче Сергея. Способный и на истинную чуткость, и на самое высокое самопожертвование, Сергей в обыденной жизни все-таки немного скучен, как-то излишне рассудителен, прозаичен, что ли. Юмора — вот чего ему особенно не хватает. Да еще той свободной, яркой игры умственных и духовных сил, какой так неотразимо привлекательна у Арбузова (и у Борисовой!) Валя. Вот почему всюду, где необходимы легкая, стремительная находчивость или чувство смешного, Сергей кажется чуть тяжеловатым, чуть пресным.

Такова уж реальность его характера. И мы так подробно говорим о ней не только потому, что боимся, как бы сказав: «положительный герой», мы подумали и о том, что составляет подлинное своеобразие и определенность его натуры, а и потому, что хотим обратить внимание на самый подход Арбузова к решению стоявших перед ним задач.

А он, этот подход, как мне кажется, заключался прежде всего в том, чтобы уловить каждый характер не в его застылой определенности, не в статике, а в движении и изменчивости. И Сергей вовсе не представляет с этой точки зрения исключения. Его драматург застал в определенный момент развития и точно зафиксировал вот это, сейчас характерное для него сочетание сильных, глубоко привлекательных сторон с тем, что подверглось бы дальнейшей шлифовке и развитию в будущем, не оборвись жизнь Сергея так рано. И именно в том, чтобы мы ясно видели эту **перспективу**, сознавали характер Сергея как нечто динамичное, меняющееся, и была цель Арбузова. Ибо, повторяем, больше всего интересует Арбузова в его героях не то, что они сейчас, на начальных стадиях пьесы, а то, какими они могут и должны **стать**, каков их **человеческий потенциал**.

И этим, кстати сказать, он и отличается хотя бы от того же Володина. Сумеречно-болезненный колорит володинских пьес зависит, в частности, и от того, что ни у одного из его персонажей нет никогда никакой перспективы, нет будущего. Нет того, что заставило бы нас поверить в их завтрашнюю победу над своими сегодняшними слабостями и разочарованиями. Так, вдоволь пошумев и навоевавшись, возвращается на старые позиции Женька Шульженко, возвращается, так ничего и не открыв для себя нового, зовущего в жизни. Так безнадежно констатирует свой проигрыш Ильин, и безнадежность этой констатации не может скрыть та нарочитая настойчивость, с которой он пытается уверить и нас, и себя в том, что ему вполне-де достаточно и нынешней его судьбы. И даже Тамара, бедная, терпеливая Тамара, которой наконец-то улыбнулось ее женское счастье, уходит из пьесы об руку с Ильиным, а мы не в силах по-настоящему откликнуться на ее радость, потому что не знаем, не видим, что принесет ей, как человеку, эта перемена в ее судьбе. Станет ли она от нее богаче? Красивее? Сильнее?

А ВЕДЬ именно в этих вопросах и заключено то самое, что стремится понять Арбузов, знакомя нас с судьбами своих героев. И прежде всего с судьбой самой для него милой из них — с судьбой Вали. Он дает ей все, о чем только может мечтать женщина, — дает любовь, семью, чуткого, нежного мужа, детей, уважение товарищей. Он дает ей счастье, которое мы воспринимаем как ее. Валино, завоевание, достигнутое в трудной борьбе с собой, в преодолении собственной поверхностности, нравственной элементарности, нетребовательности.

Но, дав своей героине это счастье, он тут же отнимает его у нее. Зачем? Почему он не кончает пьесу свадьбой, картинами семейного счастья? Ведь фабула как будто уже завершилась?! Валя обрела себя в любви, чистой, ясной, поднялась над тем мелким и призрачным, на что обрекала ее прежняя жизнь — жизнь «по дешевке», без цели и смысла, без уважения к самой себе, без будущего.

(Окончание на 3-й стр.)

АЗОТ? НЕТ, *ЗОТ!*

— ВЫ ДОГАДЫВАЕТЕСЬ, что в этих папках? — Высокий седой человек в синем кителе высыпает на стол бумаги. — Полтонны советов признать себя побежденным и столько же отказов выслушать.

Михаил Иванович Волский развязывает новые папки, и вскоре большой стол весь завален бумагами.

— Как видите, я не знаю, что такое одиночество. Почта меня не забывает. Но как бы хотелось избавиться от этих папок, сдать их сборщикам макулатуры.

...Восемнадцать лет назад к профессору втуза М. И. Волскому, возглавлявшему большую научно-исследовательскую лабораторию по прочности материалов и конструкций, обратился врач, работавший над диссертацией, с просьбой вычислить периметр трахеи, эллипсовидной в сечении.

Сделав вычисления, профессор Волский порекомендовал врачу определить площадь поперечного сечения трахеи, скорость движения воздуха, проходящего по трахее и бронхам, и вычислить потерю напора воздуха при его движении по дыхательным путям человека. Врач, достаточно поработавший в области физиологии дыхания, искренне признался, что с такой постановкой вопроса он никогда не встречался в медицине.

Профессора Горьковского медицинского института также подтвердили, что этот вопрос для них совершенно нов.

Тогда профессор Волский сделал интересовавшие его расчеты сам и пришел к совершенно неожиданным выводам. Он доказал теоретически, что старая концепция дыхания противоречит законам физики. А затем доказал это экспериментально.

«Профессор Волский взял на себя смелость сказать поистине новое слово,—писал в те дни доктор медицинских наук профессор Грановский, горячо поддерживая открытие ученого.—Тысячелетиями незыблемо господствовал в медицине взгляд, что в плевральной полости, в узкой щели между *обоими ее листками*, — пусто, вакуум. Так издревле думали и продолжают думать *по сию пору* все врачи. Так учили учителя наших учителей, так учили нас, так учим мы *сами наших преемников* и продолжателей. На этой предпосылке стоит физиология дыхания. На ней зиждется ее патология. От нее исходит система терапевтических мероприятий врача при заболеваниях дыхательного аппарата... И вдруг является профессор Волский и пишет черным по белому: «Общепринятый в науке взгляд в корне неправилен. Он не соответствует действительности: в плевральной полости находится воздух. Нужно выкинуть за борт физиологический nonsense, хотя бы и освященный авторитетом тысячелетий».

Многолетние исследования проблемы дыхания натолкнули профессора Волского на еще более интересное открытие:

— Когда я занялся,—рассказывает он,— расчетом строения дыхательных путей и все глубже вникал в физиологию, меня удивила одна явная диспропорция. При весе примерно в восемьдесят килограммов в нашем организме содержится шестнадцать килограммов белка (в переводе на азот — 2,5 килограмма). Несоответствие между вводимым в течение суток с пищей количеством азота (от 6 до 16 граммов) и его количеством в нашем организме заставило меня предположить, что человеческий организм извлекает его не только из пищи. Но откуда?

Любой энциклопедический словарь скажет, что азот инертный, не поддерживающий жизни газ. Существует общепринятое мнение в науке, что живые организмы не могут усваивать азот воздуха, которым мы дышим. Все учебники физиологии учат — организм человека и животных усваивает азот только из пищи.

И вот мы в лаборатории ученого, само название которой звучит парадоксально: «Лаборатория по питанию человека и животных азотом воздуха». Отнять у азота букву «а», частицу отрицания, и оставить лишь «зот», «зоэ» — по-гречески «жизнь» — вот задача этой лаборатории.

В камере для инкубации—шесть ящ. Инкубатор продувается воздухом, в котором, как и в обычной атмосфере, 21% кислорода. Только азот в ней заменен аргоном — безвредным инертным газом. Сегодня девятый день инкубации. Лаборантка констатирует: продуваемые «аргонным» воздухом куриные эмбрионы замерли.

Так было бесчисленное количество раз — в атмосфере без азота эмбрион погибал. Пробовали помещать и цыпленка в «аргонный» воздух, — через шесть часов он опускал крылышки, а через восемнадцать часов погибал.

А рядом — другая камера. В ней те же температура, влажность, скорость подачи воздуха, что и в первой. Но здесь обычный воздух — кислород и азот. Двадцать первый день опыта. Жизнь куриного эмбриона развивается нормально. Мало того, в пяти различных лабораториях, где ставился такой опыт, анализы показывали, что куриный эмбрион, не получая пищи, наращивает от 3 до 10% белка.

Для более тщательной проверки того, что куриный эмбрион усваивает газообразный азот, применялся меченый азот, который затем легко обнаруживался при анализах органического состава ткани.

Опыты Волского неопровержимо доказали, что азот воздуха физиологически и биохимически необходимое вещество, перерабатываемое организмом в белок. Бесспорные в своей ясности итоги опытов заставляют по-новому взглянуть на белковый обмен — основу всех жизненных процессов.

— Мне думается, — говорит Волский, — настало время пересмотреть выдвинутое Лавуазье полтора века назад положение о том, что живые организмы не могут усваивать азот воздуха.

Познакомившись с чрезвычайно интересными опытами, мы, естественно, спросили, каковы перспективы дальнейшей разработки и применения открытий.

— До последнего времени я был официально непризнанным автором, — сказал ученый — Мой труд «Новая концепция дыхания» не опубликован ни одним научным издательством — его рискнули напечатать на свой страх и риск лишь мои друзья и защитники в Горьком. В какие бы двери институтов Москвы, Ленинграда я ни стучался, нигде не соглашались ни выслушать меня, ни взглянуть на мои опыты, а главное, продолжить их, несмотря на то, что меня поддерживали многие ученые — биохимики, физиологи, биологи, медики. Чтобы утвердить в науке добытое и обосновать это новое теоретически, я оформил мои работы как диссертацию и представил ее к защите Но ни один институт, хотя и есть решение Высшей аттестационной комиссии, не согласился меня выслушать — то ссылки на отсутствие компетентных лиц, то «несоответствие *профиля института работе автора*».

В архиве Волского я видел это решение ВАК... восьмилетней давности Видел я там и немало восторженных отзывов.

«В недалеком времени с исследованиями Михаила Ивановича Волского об усвоении азота воздуха живыми организмами будут знакомить учеников средних школ, как знакомят их сегодня с явлениями поглощения кислорода воздуха при дыхании и горении», — пишет о работах ученого из Горького доктор биологических наук, профессор Л. В. Полежаев.

«...Исследование и взгляды *профессора* М. И. Волского являются наиболее крупным вкладом в *учение о легких за прошедшую* половину XX века», — такой отзыв *дает доктор медицинских наук* профессор П. Я. Лаховский.

— Необъяснимо, — говорю я Михаилу Ивановичу, вспомнив добрый десяток таких же отзывов ученых, — как могло произойти, что вас не поддержали в Министерстве здравоохранения?

— Нет, это легко объяснимо. Я «чужой». Добро бы с таким предложением пожаловал врач, биолог, физиолог.

Скажу откровенно, что после всего, что узнал я за несколько дней пребывания в Горьком о Волском — ученом, человеке, коммунисте от профессоров и студентов, от партийных работников и многочисленных избирателей Михаила Ивановича Волского, пять раз выдвигавших своего земляка депутатом в городской Совет, мне было неприятно читать письма, зачеркивающие работы профессора. Но он настаивал, и я прочитал. Вот одно из них — восемь страниц, скрепленных печатью Института физиологии Академии наук, за подписью профессора Г. П. Конради:

«Экскурсы М. И. Волского в область физиологии являются таким набором ошибок, что их столь же неприлично обсуждать, как проекты perpetuum mobile, «опыты» со столоверчением и «проекты», выдвигаемые больными в психиатрических клиниках».

Есть здесь и такие строки: «...Мы не хотим быть в плену маньяков, карьеристов, лиц, желающих задешево пристроиться к науке». И это говорится о честнейшем человеке, к которому из разных городов Союза едут в Горький, на улицу Минина, металловеды, судостроители, конструкторы за советом, консультацией, разрешением спорных и тонких вопросов современной судовой техники.

— Нет, таким письмам меня не надломить, ведь я сопроматчик, и к тому же отрицающий «усталость» металлов, — роняет Волский.

Казалось бы, давно пора честно поспорить с Волским. Он зовет своих оппонентов к себе, хочет показать им свои эксперименты — *они не приезжают*. В пяти различных лабораториях руками незнакомых ему и всегда разных лаборантов добыты одинаково положительные результаты. Оппоненты не хотят признавать эти данные.

Больше десяти лет ученый из Горького добивается обсуждения своих работ. Заблуждается он? Так докажите, что он неправ, что истина веков сильнее, чем та, которую добыл он в своей лаборатории.

— Выслушайте меня без предвзятости— единственное, о чем я прошу оппонентов.

...Стол по-прежнему заполнен ворохом бумаг. Михаил Иванович не торопится их прибрать. Он перебирает бумажки:

— Кажется, я все-таки избавлюсь скоро от них...

Он показывает мне только что полученную им бандероль из Москвы «Доклады *Академии наук СССР*», том 128, № 4.

«М. И. Волский. Усвоение азота животными *организмами*...»

Невольно перескакиваю через строку длинного академического названия и радостно читаю: «Представлено академиком Н. Н. Семеновым».

...В Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР недавно очень тепло обсуждались работы профессора Волского.

Но борьба, которую вел за все эти долгие годы доктор технических наук профессор Волский, не кончается официальным признанием его открытия и публикацией сообщения в «Докладах Академии наук СССР».

— Мне необходима сейчас действенная, практическая помощь наших ученых — физиологов и биологов. Долго ли я могу один, на ощупь прокладывать путь в неизведанное? Опыты переросли уже мои познания. Моя лаборатория «частная», «самодеятельная».

Хочется верить, что недалек уже тот день, когда на двери лаборатории, созданной и построенной профессором, появится вывеска Академии наук СССР или Академии медицинских наук СССР и вместе с М. И. Волским будут продолжать опыты физиологи, биологи, химики. Хочется верить, что недалек день, когда в одном из научных институтов инженер-механик из города Горького доложит о своем открытии и аудитория ученых-медиков благодарно и радостно встретит весть о большом событии в науке.

А. ЛАЗЕБНИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
г. ГОРЬКИЙ

НОВЫЕ СТИХИ

Лев ОЗЕРОВ

***

На кафеле холодной печи
Мигает белая свеча.
Здесь, голову вбирая в плечи,
Уэллс глядит на Ильича,
И тени мечутся косые,
И Ленин, глядя в полутьму,
Об ослепительной России
Чеканно говорит ему.

***

Вишневый сад белеет
в темноте.
Вишневый сад. А времена
не те.
Вишневый сад. Забыли
человека.
Стучит топор. Прошло всего
полвека.
А век не тот. В надзвездной
высоте
Летит земной детеныш
по орбите.
Следите, как летит он!
И — не спите!
Вишневый сад
белеет в темноте.

***

Мне запомнилась зимняя
синяя,
Светло-синяя клинопись инея.

Я хотел прочитать письмена,
Озаренные светом восхода,
Но в природе была тишина, —
Мне письмен не открыла
природа.

То ли в снежном бору терема,
То ли парусный флот на реке,
То ли сказку сложила зима
На студеном своем языке.

Я не смог прочитать
письмена
На ветвях оголенного сада,
И сквозь смутный туман
полусна
Я подумал: какая досада!

Но впечаталась в душу мне
синяя,
Светло-синяя клинопись инея.

***

Вы, друзья, не щадите его,
не жалейте!
Он стучит в барабан,
А мечтает о флейте.

Он вздымает фанфару,
А любит гитару.
Он по жизни блуждает, как
франт по базару.

Очевидно, двоиться его
научали
До того, как родился он,
В самом начале.

Нам двуликих в грядущее
брать не пристало,
Чтобы к душам потомков
Их ржа не пристала.

Трибуналами совести,
Твердой и трудной,
Я отныне двуличность считаю
подсудной.

Антанас ИОНИНАС

***

Я хочу умереть,
как солдат в обожженной
шинели,
если мне суждено,—
я хочу, улыбаясь, упасть,
чтоб над свежей могилой
девчонки о юности пели
и сплетали венки,
и пичуги горланили всласть.

И еще я хочу —
без хандры и без старческих
жалоб,
без томительных вздохов —
шагать до последнего дня,
чтоб душа,
как струна,
от восторга и счастья
дрожала
и обыденность жизни,
как праздник,
входила в меня,

чтоб вобрать в себя жадно
все краски ее и все звуки,
и чтоб к солнцу тянуться,
как дерево в тихом бору.
Я для подвигов жажду
сберечь
неленивые руки
и горячее сердце,
открытое только добру.

Перевел с литовского
Г. Канович.

Суд вынес приговор...

СУД ОКОНЧЕН. Приговор вынесен.

Он украл. И украл не только то, что перечислено в приговоре. Он украл покой и радость своей матери, украл у себя свободу.

Плачет мать в зале суда. Как, когда проглядела она сына? Конвоиры уводят осужденного, и с горечью смотрит вслед ему мать.

Найдет ли он в себе силы понять свою жизнь и отвергнуть свое прошлое? Он еще может вернуть себе доброе имя и завоевать право высоко держать голову.

Фото М. Трахмана

Памяти поэта

На днях в Библиотеке-музее Маяковского собрались друзья Владимира Луговского — поэты и читатели. Вечер открыл Павел Антокольский.

Стихи Луговскому посвящает Яков Хелемский, выступивший на вечере. О Луговском как о поэте-мыслителе говорит Ярослав Смеляков, прочитавший стихотворение Луговского «Фотограф». «Десять жизней» — своеобразное завещание поэта — исполнил молодой актер Зиновий Филлер. О неутомимом характере, большом сердце, огромной творческой энергии Владимира Луговского вспоминали Евгений Долматовский, Галина Шергова, Сергей Васильев, Виктор Ардов, Роберт Рождественский. Заслуженная артистка республики Валентина Попова прочитала одно из последних стихотворений Луговского «Костры».

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СЧАСТЬЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДОМ»

19 ноября 1959 года наша газета опубликовала очерк Анатолия Маркуши «Майор Павлов и другие». В очерке рассказывалось об отличной работе милицейской службы розыска гражданских лиц, потерявших связь с родственниками. Только за два последних года работники этой гуманнейшей службы воссоединили более 50 000 разбросанных войной семейств.

Сразу же после опубликования очерка в редакцию стали приходить письма с просьбами помочь в розыске близких, увеличился поток почты непосредственно в Отдел розыска Главного управления милиции.

На днях наш корреспондент побывал на улице Огарева, 6, встретился с героями очерка.

— Как откликнулись читатели на выступление «Литературной газеты»? — спросил корреспондент.

— Многие письма из 2 145, поступивших к нам за три недели после напечатания очерка «Майор Павлов и другие», начинались словами: «Прочитав в «Литературной газете»...»

— А есть уже результаты по запросам наших читателей?

— Конечно. Вот вы переслали нам письмо Дарьи Николаевны Горшковой, одинокой женщины, проживающей в Доме инвалидов во Владимире. Она разыскивала четырех своих дочерей. Первую, Клавдию Федоровну Кравцову, мы уже нашли, нашли еще и двух внучек, уверены, что найдем и остальных ее детей.

Служба розыска продолжает свою трудную и благородную работу. В сотни новых семей возвращается счастье.

— А кто возглавит службу розыска теперь, когда ликвидируется Министерство внутренних дел СССР, а с ним и Главное управление милиции?

— На местах все остается по-прежнему. А общее руководство службой розыска перейдет к исполкому Красного Креста.

Виктор Розов

НЕРАВНЫЙ БОЙ

В пьесе «Неравный бой» мне хотелось снова коснуться вопроса воспитания нашего подрастающего поколения, но уже в несколько ином аспекте, нежели прежде. «Человек рождается два раза», — говорит один из персонажей пьесы. Вот что я хотел этим сказать: первый раз ребенок появляется на свет из утробы матери чисто биологически. И как только перерезается пуповина, через которую он питался материнскими соками, это уже человек. Второе рождение происходит в возрасте примерно 16—20 лет, когда юноша или девушка становятся взрослыми. В эти дни тоже перерезаются своеобразные пуповины, которые долгие годы духовно связывали ребенка с его учителями в широком смысле этого слова: с матерью, отцом, школьными педагогами, взрослыми вообще и т. д. И человек начинает жить своим умом, постигать жизнь своим опытом, отвечать за все сам. Мне думается, что часто взрослые, в том числе и родители, не понимают этого второго рождения и нередко продолжают вести себя по отношению к юноше или девушке так, как будто перед ними маленький ребенок. Родился новый человек — и прежде всего его надо уважать, считаться с ним, как с определенной индивидуальностью. Особенно излишнюю «деятельность» проявляют порой родители, когда к их «ребенку» приходит первая любовь. Батюшки, сколько здесь страхов. Какое неумное вторжение в это святая святых приходилось мне наблюдать в жизни! Вот и в пьесе Славин, племянник Тамары Тимофеевны, воспитавшей его, пришел два раза домой позднее, чем обычно. Тетка угадывает, в чем дело, и мобилизует себе в помощь родню — брата Романа, его жену Антонину, ищет поддержки и у другого брата — Тихона и жены его Верочки, приехавших к ней в гости.

Сцена из первого действия

Антонина Васильевна: Присядем-ка, пока Святослава нет, поговорим.

Верочка: А что случилось?

Антонина Васильевна: Ну, что... Растет парень, можно сказать, без отца, Тамаре не разорваться.. Уже готово!..

Тихон Тимофеевич: Что?

Тамара Тимофеевна: Приходить поздно стал!

Верочка *(оживленно)*: Славка! Вот так да! Ай-яй-яй-яй!

Тихон Тимофеевич: Вот растут-то, а? Батюшки ты мои! Жених!

Антонина Васильевна: Это не так уж весело

Верочка: Но ведь возраст — ничего не поделаешь.

Антонина Васильевна: То есть, как это ничего не поделаешь?! Очень даже мы поделаем! Ты, пожалуйста, эти вольности брось!..

Тамара Тимофеевна: Ему сейчас совсем не об этом надо думать...

Роман Тимофеевич: Да уж... Они, молодежь, теперь прыткая... Еще, не дай бог, сдуру же, нится, наденет хомут, впряжется в каторгу...

Антонина Васильевна: Ты бы постеснялся, Роман, получается — я для тебя хомут, я — каторга...

Роман Тимофеевич: Извини, Тонечка, не о тебе речь...

Антонина Васильевна: Уж если хочешь знать, для кого дома каторга, так...

Верочка: А кто же она?

Тамара Тимофеевна: Не знаю... Мне всегда казалось, что Слава будет выше этого.

Тихон Тимофеевич: Ну, знаешь, выше этого нельзя быть, можно быть только ниже этого

Антонина Васильевна: Это ты у себя на заводе такие теоремы проповедуешь?

Тихон Тимофеевич: Да ведь еще никто на свете от этого не уходил.

Тамара Тимофеевна: Что ж, по-твоему, я должна ему сказать: вот тебе ключ от входной двери, являйся, когда хочешь...

Роман Тимофеевич: Тихо, тихо! Не бушуй! Может, и не всерьез у него все это, первое-то чувство что — так, фьють!.. Дым!

Тамара Тимофеевна: Нет, боюсь, что это всерьез. Я заговорила с ним, так он просто побледнел, по-моему, даже пошатнулся, я прямо испугалась... Он вообще какой-то.. неистовый!

Тихон Тимофеевич: Это верно — кто как: одни в его возрасте на этот крючок, как говорится, только слегка клюют, вроде играют.. глядишь — и проходит, как сладкий сон; а другие взаглот берут, намертво — на всю жизнь.

Тамара Тимофеевна: Ты меня лучше не пугай.

Антонина Васильевна: Распущенность все это!

Роман Тимофеевич: Поговорить с ним надо — и конец. Перед ним наука маячит, человеком может стать, так что пусть пока это занятие отложит до времени...

Тамара Тимофеевна: Поговори ты, Тихон.

Роман Тимофеевич: Верно, ты на эти дела, поди, спец! В парторганизацию к тебе со всякими делами лезут.

Тихон Тимофеевич: Во-первых, не лезут, а идут, а во-вторых, думаешь, у меня в сейфе вместе с круглой печатью и документами ответы на все вопросы валяются? Открыл ящик, взял ответ, сунул товарищу в зубы и — следующий! Черта с два! Семь потов иногда сойдет, а все не разберешься!.. Уж на что наш завод — и механизирован по последнему слову, и такие на нем чудеса — дух перехватывает! Сложно, тонко, удивительно, а придет к тебе человек со своим внутренним содержанием, начнет объяснять, выкладывать—думаешь: что вся наша техника — так, азбука, школьная геометрия!

Антонина Васильевна: Ты, Тиша, не перехватывай — это тебе не какой-нибудь необъяснимый Пушкин или лорд Байрон, это всего-навсего обыкновенный мальчишка, наш Славка И загадки в нем, слава богу, нет! Ясен—как три копейки! И с ними надо вот как! *(Сжала руку в кулак.)*

Роман Тимофеевич: Ладно, я сам с ним поговорю.

Тамара Тимофеевна *(заколебавшись)*: Не знаю...

Антонина Васильевна: Поговори, Роман, поговори, раз отца нет...

Верочка: Как вы так можете,— не понимаю. Врываться к человеку в душу без спроса, да еще по такому тонкому, нежному делу...

Антонина Васильевна: Подумаешь, какие слова: «к человеку в душу»!

Роман Тимофеевич: Он еще и не человек, Вере Вячеславовна! Человека-то мы из него только делаем...

Тамара Тимофеевна: Идет он! Тихон, поговори с ним — мы уйдем.

(Входит Слава.)

Верочка: Поздравляю тебя, счастливчик! *(Целует.)*

Антонина Васильевна: Ты его не очень целуй — молода слишком.

Тихон Тимофеевич: Поздравляю!

Тамара Тимофеевна: Пойдемте, я вам свои георгины покажу

(Все ушли, кроме Тихона Тимофеевича и Славы.)

Тихон Тимофеевич *(после паузы)*: Ну... как живем?

Слава: Хорошо.

Тихон Тимофеевич: Вот и хорошо, что хорошо... *(Слава насторожен. Тихон Тимофеевич абсолютно не знает, с чего начать.)* Помнишь, мы с тобой весной на этой лавке сидели, об университете только мечтали...

Слава. Да, да!..

Пауза

Тихон Тимофеевич: Студент, значит... Лучшее время жизни! Я когда в академии учился, хорошие ребята у нас были, боевой народ...

Слава: Сейчас тоже хорошие, я на приемных экзаменах видел.

Тихон Тимофеевич: Разные теперь...

Слава: Думаю, и тогда у вас не одинаковые были..

Тихон Тимофеевич *(подумав)*: В общем, да. Учиться, конечно, хорошо, большое счастье. Но знаешь, Святослав, я тебе по себе скажу — работать еще интереснее. Тут твоя мысль находит конкретную реализацию. Понимаешь, своеобразное чудо: была голая мысль, ничто, без цвета, вкуса, запаха, а потом путем сложнейшего процесса, трудом сотен, а иногда и тысяч людей эта твоя мысль превращается в нечто совершенно реальное, что можно видеть, осязать, пощупать, как предмет. Допустим, корабль это или межпланетная ракета Нет, поистине «В начале была мысль»! *(Смеется.)* Конечно, не всегда все гладко идет... Вот у нас: семьдесят четвертый завод не поставил детали, маленькие, куда меньше мизинца, а пошло сбоить, чехарда получается... Виноваты в общем они... а меня вчера вызывают и... боже ты мой!.. И в общем, да! Я виноват!.. Я!.. И ты понимаешь, в чем дело: звоню я на семьдесят четвертый и говорю...

(Входит Роман Тимофеевич.)

Роман Тимофеевич: Тихон, тебя Верочка зовет. *(Тихон Тимофеевич идет к жене. Роман Тимофеевич говорит ему тихо, на ходу.)* Чего ты тут ему всякие свои дела выкладываешь — нашел время! Уж если сам влюбленный дурень, так мальчишку-то не сбивай... Как это ты в начальники производства выбился — смех! Тебе курами командовать! Тихоня! Иди!

(Тихон Тимофеевич ушел. В это время вышел Митя и за изгородью показался Григорий Степанович, который копается у себя на грядках.)

Митя *(Славе)*: Видишь, я специально для твоих торжеств переоделся.

Роман Тимофеевич: Ты, Митяй, поди пока отсюда.

Митя *(опешив)*: Куда же я пойду?

Роман Тимофеевич: Не знаю. Вот хоть со всеми — цветы нюхать.

Григорий Степанович *(за забором)*: Митюха, тебя Лиза звала — загляни.

Митя: Лиза!.. *(Славе.)* Я сейчас! *(Убежал.)*

Слава: Между прочим, Митя — мой друг.

Роман Тимофеевич: Между прочим, я тебе дядя. *(После паузы.)* Ты, Святослав, говорят, котовать начал? *(Слава не сразу понял, о чем идет речь, и удивленно смотрит на дядю.)* Ну, что святое лицо делаешь — котуешь?

Слава *(в нем поднимается злоба)*: А что вы под этим подразумеваете, дядя Рома?

Роман Тимофеевич: Ладно, не наивничай!.. Только ты эту гадость брось, слышишь?! Что молчишь?..

Слава: Дядя Рома, а почему у вас детей нет?

Роман Тимофеевич: Тебе-то что?

Слава: А вам что?

Роман Тимофеевич: Ах, вот как оборачиваешь! А потому, что я старше тебя и могу поучить уму-разуму.

Слава: Я же вас не прошу об этом.

Роман Тимофеевич *(обозлясь)*: А уж я как-нибудь без твоего спросу! Ишь, каким рыцарем выставился! Для тебя это сейчас все в сладком тумане плавает, блаженно-идиотское состояние испытываешь, а мы-то знаем, к чему все это в конечном итоге приводит.

Слава: Почему вы думаете, что я, исходя из наших родственных отношений, исполняя святую заповедь — повиноваться старшим, должен выслушивать ваши скотские наставления?

Роман Тимофеевич: Что?!

Слава: То, что вы мой старший родственник, это не ваше превосходство надо мной, а моя обыкновенная житейская беда. Хорошо. Как говорит мой отец, «в жизни всякое приходится переносить», ну что ж, я перенесу и вас. Продолжайте.

Роман Тимофеевич: Зазнавшаяся ты моська, вот кто ты!

Слава: Вы знаете, вот после такого разговора с вами так и хочется сделать какую-нибудь пакость — напиться, подраться, ну, хоть сломать что-нибудь... От вас же такой безысходной тоской несет — удавиться хочется!

Роман Тимофеевич: А ты возьми и удавись — одним хамом меньше будет!

Слава: Это ваш родственный совет?!

Григорий Степанович *(появляясь над забором)*: Друзья-товарищи! Вы посмотрите, какой огурец вырос! *(Показывает.)* А? Чудо природы! А ведь почему? Я за ним особо наблюдал, он у меня подопытный... *(Говоря это, он входит во двор, Роману Тимофеевичу.)* Ты его рукой потрогай — какие пупенки, а? С пупенками-то самая сладость и есть! Прикинь на ладонь! Полкило будет, как по-твоему? А? Будет?

Роман Тимофеевич *(машинально, прикидывая огурец на ладони)*: Грамм четыреста!

Григорий Степанович: А я тебе говорю— все шестьсот потянет. *(Тихо.)* Разойтись вам надо. У них, молодых, как войдет клин, так и застрянет,— тут отойти надо. Что вам свою солидность-то терять. С глупым связаться — самому дураком выглядеть. Закон.

Голос соседки: Бяшка-бяшка-бяшка! *(Показалась над забором.)* Граждане...

Григорий Степанович: Не видели, не видели! Ищи у других! *(Соседка исчезла.)* *(Роману Тимофеевичу.)* Идите к своим, я с ним сам, по-соседски...

Роман Тимофеевич *(уходя, Славе)*: Я тебе этих твоих грубостей не забуду!

Григорий Степанович: Нехорошо, Святослав, говорил с дядей, нехорошо! Ты злобу-то на привязи держи. Слышишь! Опасная это эмоция! *(Слава молчит.)* Сядь! Вот что я тебе хочу сказать... только ты не возражай мне, *дослушай*, а потом можешь... Ты не снисходи вниз. Понял? Ты моих сыновей Витьку и Семку *помнишь*?

Слава: Помню.

Григорий Степанович: Где они? Витька — вор, наказание отбывает, заслуженное и необходимое. А почему он вор? Это он против меня такую оппозицию затеял... Не любил он меня, ненавидел... У!.. И вот—пожалуйте—выразил свой протест, вором стал! Дурацкая его голова! А ведь мог бы светлым человеком стать. Светлым-то как легко жить! Светлый-то и спит хорошо, и смеется переливчиво... Семка в молчанку играет — уехал шесть лет тому назад и молчит... Тоже, значит, протестует. Я, конечно, все о нем знаю — невеликая птица!.. Невысоко взлетела, а тоже... молчит! Конечно, может быть, я неправильную политику против них вел... Только зачем же так-то свой протест выражать?! Ты, дубовая голова, хорошим человеком стань, честным,— вот тебе и протест!.. А то кому же ты соли-то высыпаешь?.. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Слава: Понимаю.

Григорий Степанович: И ты себя из-за грубых людей не порть!.. Отец у тебя чистый, высокий!.. Идейный!.. Ты вообще на чистых людей смотри!.. Они тут же, вокруг ходят... Плохие-то, конечно, в глаза сильней лезут, ярче *они*, колоритнее... Раздражение вызывают!.. Хороший-то не пестрый... Но он высок... На *него* смотреть — головку-то приподнять надо!.. Ну, подними голову-то! Вот! Так... Люблю тебя, Святослав! Как будто ты мой настоящий сын! Вот за тебя я всю свою жизнь и отдавал! Уж *ты*, пожалуйста, не подводи меня!

Слава *(улыбаясь)*: Огурец-то, действительно, какой громадный!

Григорий Степанович: Из-за него, подлеца, самый лучший семенной подопытный сгоряча сорвал.

(Входит Митя.)

Митя: И не звала меня,— что это вы придумали, Григорий Степанович!

Григорий Степанович: Да что ты! А мне показалось...

Митя: И врет все она! Недавно мне говорила: устала, никуда не пойду, а теперь собирается, я же вижу — платье наглаживает...

Григорий Степанович: Опять уходит?

Митя: Песенки напевает... Ладно! *(Пошел в дом.)*

(Григорий Степанович стоит молча. Слава идет к дому.)

Григорий Степанович *(после молчания)*: Славка, Славка!.. Как на духу тебе говорю — попади она в какой-нибудь капкан, испортись,— глотку себе перережу, да еще самым ржавым ножом. *(Пошел.)*

Слава: Григорий Степанович...

Григорий Степанович *(остановившись)*: Что?

Слава: Не беспокойтесь за нее... она... *(Замолкал.)*

В середине XX века...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Но нет! Оказывается, то, что мы готовы были воспринять как завершение сюжета, как драматическую кульминацию, есть лишь подготовка к истинной и высшей кульминации. Потому что пьеса Арбузова, в которой так много и так горячо, взволнованно говорится о любви, написана все-таки не о любви. Да, любви здесь — «пять пудов», а смысл все-таки не в ней. А в том, что происходит и с Валей, и с Виктором, в том, как они развертывают свой человеческий потенциал, все полнее осознавая под воздействием жизни и свои возможности, и свои обязанности.

Вот и Валя настоящей, подлинной победы достигает только после того, как поднимается еще на одну трудную и высокую ступень. Только тут она добивается той победы, которая действительно до конца раскрывает все, на что она была способна как человек, как личность. И Ю. Борисова с покоряющей увлеченностью и свежестью чувств ведет Валю к этой высшей точке ее пути, туда, где она становится наконец настоящей хозяйкой своей судьбы и своего будущего.

Так «Валька-дешевка», которая, не задумываясь, жила малым, довольная тем, что само шло ей в руки, сумела в конце концов подняться и над тем, чем, вообще-то говоря, можно было бы и удовлетвориться. Потому что роль матери, воспитывающей двоих детей, и трудна, и почетна. Нам трудно поэтому в первую минуту согласиться с Виктором, когда он нападает на Валю. В самом деле, можно ли обвинять чуть ли не в паразитизме женщину, которой выпал такой безрадостный и трудный жребий?! И только в следующую минуту мы понимаем, что он прав, этот Витька, который в начале пьесы был внутренне чуть ли не беднее самой Вали, а потом обогнал ее, и теперь вот уже зовет ее за собой на ту высоту, куда сам успел подняться. Правда, чувствуя неправильность Валиной жизненной позиции, он еще бессилен до конца четко сформулировать это свое ощущение (к счастью, он не послушный рупор автора, с дидактической навязчивостью, по слогам возвещающий авторскую мораль!). Поэтому-то он горячится, сбивается, говорит много лишнего, несправедливого. А Валя между тем понимает его, ловит его правду не в словах, а между слов, в той ошибой и чистой тревоге за ее судьбу, которая заставляет Витьку произносить его запальчивые тирады. Она догадывается, что Витька прав в главном: ее будущее не в самозащите от жизни, а во вмешательстве в нее, в активном участии во всех ее больших тревогах и радостях.

И ТОЛЬКО ТУТ завершается тот процесс выпрямления Вали, процесс ее становления как человека, мужественной поэзией которого стремился увлечь нас драматург.

Евгений Симонов прекрасно понял эту цель драматурга. Он ведет поэтому спектакль по перекатам, через одно нарастание к другому, к еще более драматичному и кризисному. Он развертывает драматическую энергию, заключенную в пьесе, с таким расчетом, чтобы главный эмоциональный заряд взорвался все-таки не в сцене свадьбы и даже не в сцене гибели Сергея, как бы ярки и сильны они ни были, а в сцене последнего перелома в судьбе Вали, когда она берет свою последнюю вершину.

К сожалению, до конца пойти за автором и режиссером по этому пути смогла только Борисова. Любимов же, играющий Виктора Бойцова, так и не нашел свободного и убедительного разрешения тех противоречий, под знаком которых складывается судьба его героя. Метания его Виктора поэтому кажутся излишне надсадными, даже болезненными. В них нет радости преодоления, нравственного завоевания. Любимовский Виктор не увлекает, не зовет за собой на взятую им высоту, так, как зовет зрителей борисовская Валя, обаяние которой не только в простоте, с какой она берет все психологические барьеры роли, а прежде всего вот в этой радостной устремленности к хорошему и трудному, к главному, что в конце концов входит в жизнь Вали.

Пьеса, повторяем, построена и как непосредственное воспроизведение того, что сейчас происходит с действующими в ней лицами, и одновременно как их воспоминание о том, что тогда было. Герои как бы оглядываются на себя таких, какими были в те трудные дни. И хор только помогает им в этом. Потому что хор — это те же герои пьесы, только на следующем этапе своего развития, такие, какими они станут завтра. (Вот почему не прав был Е. Симонов, одев участников хора в парадные театральные костюмы и тем самым как бы отделив их от остальных участников спектакля.) Оттуда, из этого завтра, они и оглядываются вместе с героями пьесы на события, некогда происшедшие где-то близ Иркутска, на берегу Ангары, стремясь полнее и глубже уяснить заключенный в этих событиях нравственный смысл.

И попробуйте только мысленно выключить из пьесы их раздумчивые, взволнованные голоса, как все в ней вдруг потускнеет и упростится. Потому что вместе с этими голосами уйдет из пьесы и голос Времени, которым Арбузов стремился наполнить артерии пьесы, всю ее кровеносную систему.

В НАЧАЛЕ пьесы хор предваряет нас: «Вот какая история случилась на реке Ангаре, недалеко от города Иркутска. В середине XX века в тех местах строили мощную гидростанцию».

А когда вместе с героями мы проходим через пьесу, мы понимаем: да, то, что произошло на наших глазах, произошло именно в это время! И не только потому, что производственные тревоги и радости, волнения строительства, работа на шагающем экскаваторе органически «вписаны» во внутренний мир Сергея, Вали, Виктора. С этой точки зрения пьеса Арбузова тоже заслуживает внимания. Присмотритесь-ка к тому, как плотно драматург переплетает личные, сюжетно выраженные взаимоотношения героев с многочисленными «внесюжетными» мотивами и обстоятельствами их жизни! И вы увидите, насколько исторически конкретен, богат жизненный фон, на котором возникают перед нами герои пьесы.

И все-таки дело не только в фоне, а в самой истории, которую они переживают и которая сама несет на себе печать времени, выражая какие-то существенные и важные ее стороны. Ведь именно в том, чтобы выравнять себя по времени, встать вровень с ним, и заключалась та нравственная проблема, которую пришлось решать героям арбузовской пьесы. Казалось бы, они жили своим маленьким, частным, а мы понимаем, что это маленькое и частное органически вплелось в большую судьбу их поколения.

Да, действие этой пьесы происходит в середине XX века. В наши дни.

Кубинцы приветствуют Фиделя Кастро
Снимок из американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгазин».

ШАГИ КУБЫ

Марсель ВЕЙРЬЕ,
французский публицист

В эти дни кубинский народ приветствует на своей земле посланца Советского Союза Анастаса Ивановича Микояна. Куба, где больше года назад победила народная революция, твердо и уверенно идет по пути укрепления национальной независимости, строительства новой жизни. Мы публикуем в сокращенном виде репортаж французского публициста Марселя Вейрье из французской газеты «Юманите».

Я ПОКИДАЛ Нью-Йорк холодным утром; шел ледяной дождь. Обычная зимняя погода... Когда я вышел из самолета в Гаване, меня встретил порыв горячего ветра, а на террасах аэропорта шумная толпа в летних костюмах и платьях приветствовала прибывающих, размахивая в воздухе флагами и платками. Так я столкнулся с двумя характерными особенностями Кубы: удивительным ее климатом, благодаря которому остров стал «жемчужиной Антильских островов», и темпераментным народом, радующимся вновь обретенной свободе.

От самой Гаваны на сотни километров тянутся бесчисленные песчаные пляжи; ландшафт напоминает одновременно и Канны, и Ривьеру, и Сен-Жан де Люс. Итак, Куба — страна, словно самой природой предназначенная для туризма. Действительно, в минувшие годы здесь бывало много туристов, приезжавших главным образом из великого государства — соседа и «защитника» Кубы — Соединенных Штатов Америки: миллиардеры предпочитали проводить здесь зимний сезон, а мелкие нью-йоркские буржуа охотно мирились с некоторыми неудобствами знойного кубинского лета...

Но в этом году и миллиардеры, и мелкие буржуа бойкотировали Кубу. А между тем покой, воцарившийся здесь — от столицы до Сант-Яго — как никогда, благоприятствовал отдыху.

Куба живет новой жизнью, и именно за это империалисты хотят ее наказать. Весь остров охвачен порывом горячего патриотизма и национальной гордости. На крыше одного из самых больших государственных зданий Гаваны светящимися буквами начертан гордый девиз: «Свобода или смерть».

Повсюду развешаны плакаты, выражающие горячее одобрение действиям революционного правительства.

Об огромном подъеме свидетельствовала и небывало радостная атмосфера, царившая здесь на праздниках рождества и нового года: звуки музыки, песен, танцев — неповторимые, изумительные ритмы неслись над городом. По улицам сновали торговцы, предлагая бананы, виноград, райские яблоки, кокосовые орехи, а в маленьких барах лились рекой излюбленные напитки кубинцев — кофе и ром...

Но этот всенародный энтузиазм знаменует и возвращение к подлинным традициям страны, он говорит о твердой воле свергнуть иноземное иго, еще дающее знать о себе везде и всюду.

Соединенные Штаты не только ввозили сюда каштаны и автомобили фирмы «Кадиллак», не только захватили в свои руки господство над местной экономикой; они стремились распространить коррупцию, разложить часть народа, заставить его забыть о чувстве чести и борьбе за независимость.

У Кубы были свои профсоюзы, построенные по американскому образцу, с профсоюзными лидерами — мультимиллионерами, горячими сторонниками принципа «сотрудничества классов», — чистка профсоюзов сейчас в разгаре.

У Кубы была армия, размещенная в «зоне обороны Соединенных Штатов»; структура главного штаба была скопирована с Пентагона, — сейчас осуществлена полная реорганизация армии. И, наконец, в этой стране, где 24 процента населения — негры, расовая сегрегация тоже была одним из следствий «американского образа жизни».

АРМИЯ «БОРОДАЧЕЙ»

Еще один факт большого значения: армия и полиция полностью реорганизованы.

Всем французам доводилось слышать о «бородачах» Фиделя Кастро. И в самом деле, здесь то и дело встречаются солдаты с бородой, как у патриарха, и длинными кудрявыми волосами, от одного вида которых любого офицера французской армии, несомненно, хватил бы удар. Волосы ниспадают на плечи или перехвачены в «конский хвост». Но и бороды, и длинные волосы имеют символический смысл: так ходили воины-партизаны — в лесах, в горах у них не было ни времени, ни возможности бриться. Это также и символ новой, антиконформистской армии, которую продолжают называть «повстанческой», словно она еще не одержала победы. На этой армии изгнаны все солдаты Батисты, и на нее возложена нелегкая миссия: не только защищать родину, но и помогать крестьянам в полевых работах, строить дороги, школы и т. п. Этой армии вменено в обязанность защищать социальные завоевания, и в частности аграрную реформу, о которой мы еще будем писать в этом репортаже.

Все эти факты убедили меня в том, что Куба впервые в своей истории имеет правительство, которое выполняет обещанное, министров, которые не занимаются погоней за взятками и опираются непосредственно на народ.

Популярность Фиделя Кастро неоспорима. Все видят в нем «главного лидера революции».

Я смог составить себе представление об этой популярности на собрании, где он присутствовал. Это был съезд рабочих сахарной промышленности... Здесь находились все официальные лица. Президент республики и министры, возглавляющие наиболее важные министерства, окружали высокого широкоплечего человека. Не будь у него бороды и длинных темно-каштановых волос, он выглядел бы чрезвычайно молодо: это Фидель Кастро; как и его товарищи, он в оливково-зеленом мундире с раскрытым воротником. Фидель Кастро слушал секретаря профсоюза, потом министра труда. И только в половине двенадцатого подошел к микрофону. Все встали, восторженно приветствуя его, скандируя: «Фидель! Фидель!»

Наконец Фидель Кастро заговорил. Он говорил до 3 часов 45 минут утра, ни разу не заглядывая ни в какие записи, и как это ни поразительно, внимание аудитории не ослабевало ни на минуту! Он говорил медленно, спокойно, четко, как опытный оратор, порой переходя к тону дружеской беседы, иногда обращаясь с вопросами к слушателям, отвечая на их вопросы, вступая с ними в темпераментный диалог...

«НЕРВНЫЙ ЦЕНТР» РЕВОЛЮЦИИ

ИНРА (Национальный институт аграрной реформы) — это нервный центр аграрной революции Кубы. Он находится под непосредственным контролем новой армии, ибо все в Гаване твердо знают, что аграрная реформа — решающее сражение, которое нужно выиграть любой ценой, а для этого не приходится рассчитывать на добрую волю бывших чиновников г-на Батисты.

Фидель Кастро лично руководит всеми мероприятиями с помощью капитана Нуньеса Хименеса и многочисленных «бородатых» ветеранов, которых можно увидеть и в отделах центрального управления, и на местах, в кооперативах...

Один из таких скромных «бородачей» встречает нас у входа в кооператив «Свободная Куба» (провинция Матансас) и предлагает отправиться осматривать кооперативные владения.

«Свободная Куба» — это образцовый кооператив: он раскинулся на площади в 550 гектаров, принадлежавшей раньше некоему Амадео Лопес Кастро. Этот господин предпочел бежать за границу со своим патроном Батистой, вместо того чтобы сотрудничать на новых началах с сельскохозяйственными рабочими.

Господин Амадео Лопес Кастро скрупулезно придерживался сформулированного в Вашингтоне принципа, согласно которому Кубе отводилась роль «страны сахарного тростника». Но сбор сахарного тростника продолжается только 3—4 месяца: все остальные месяцы — так называемый мертвый сезон. Рабочие становились безработными. Продолжая запутываться в долгах, они попадали в кабалу к землевладельцам, превращаясь в послушное орудие местных политиканов.

Главная цель аграрной реформы заключается в том, чтобы сделать Кубу, обладающую богатой и плодородной землей, страной разнообразнейших сельскохозяйственных культур и тем самым обеспечить крестьянам регулярные доходы, сократить импорт продовольственных продуктов и использовать валюту на насущные национальные нужды, как, например, на индустриализацию страны.

Вот почему, объезжая «Свободную Кубу» на джипе, поднимавшем облака красной пыли, мы видели не только старые плантации сахарного тростника, но также и пастбища, где паслись стада, правда, пока еще не очень многочисленные, видели и новые поля, где огневые будут выращивать картофель, земляные орехи, лук, различные виды тропических фруктов.

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ» ХИЖИН

Шестьдесят процентов кубинских крестьян живут еще так, как жили 500 лет назад индейцы, — в хижинах с земляным полом, крытых пальмовыми листьями. Да будь благословенна долларовая цивилизация, изливающая в Гаване потоки неонового света для восхваления достоинств кока-колы, цивилизация, которая заставляла три четверти населения Кубы жить без электрического освещения, а четвертую его часть — без освещения вообще!

Но вот уже поднимаются в «Свободной Кубе» первые современные дома членов кооператива; их строят сами кооператоры, а также солдаты «повстанческой» армии и рабочие, добровольно помогающие строителям в воскресные дни.

Кооператив вырастет скоро в небольшую деревню; в ней появятся более 170 домов, школа, где днем будут учиться дети, а вечером — взрослые, театр, стадион, бассейн.

ДОБРОВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ

Для того чтобы ускорить индустриализацию страны, правительство обратилось с призывом к народу, и в частности к рабочему классу.

В течение всего сентября не было ни одного рабочего съезда, участники которого не обязались бы отдать четыре процента своего месячного заработка правительству в форме добровольного вклада: он будет возвращен с процентами через несколько лет.

Бесспорно, это явная жертва в стране, где заработки еще низки по сравнению с ценами на предметы промышленного производства, продающиеся в магазинах. Ряд мероприятий, направленных к повышению уровня жизни, и в частности к радикальному снижению квартирной платы, а также создание системы социального страхования не внесли кардинальных изменений в существующее положение.

БЕСЕДА С МАЙОРОМ ЭРНЕСТО «ЧЕ» ГЕВАРА

Мне хотелось познакомить читателей с точкой зрения официальных лиц на кубинскую революцию, и поэтому я попросил интервью у одного из вождей этой революции — у майора Эрнесто Гевара, человека, который пользуется на Кубе наибольшей популярностью после Фиделя и Рауля Кастро. Майора называют «Эль Че», что означает «друг, приятель».

Майор Гевара молод, как и все нынешние руководители Кубы. Он разговаривает со мной на правильном французском языке, которому научился в университете.

Прежде всего он сообщил мне, что Куба только что выиграла сражение: в 1960 году Соединенные Штаты закупят кубинский сахар в количестве, определяемом договором, заключенным между обеими странами.

И все-таки майор Гевара считает, что Кубе необходимо разнообразить свою торговлю, торговать с возможно большим количеством стран.

Потом майор Гевара излагает мне принципы новой экономической политики Кубы. Необходимо контролировать импорт и валютные операции, с тем чтобы ввозить меньше предметов роскоши и использовать ресурсы страны на ее индустриализацию («меньше «Кадиллаков», больше тракторов», — сказал Фидель Кастро).

Эта индустриализация ускорится во всех областях (металлургия, нефть, химия, промышленные отрасли, связанные с культурой сахарного тростника, сельское хозяйство и т. д.).

Государство должно будет «ориентировать» национальную экономику, говорит майор. Оно разработает основные планы, за выполнением которых будет следить очень строго.

ЛУЧШАЯ АРМИЯ — НАРОД

Армия оказывает населению самоотверженную помощь, но солдаты не имеют нужной технической подготовки для выполнения новых задач. Им приходится учиться на специальных курсах.

Майор напоминает, что на Кубе была прекращена деятельность американской миссии. Рассказывая о недавно созданной рабочей милиции, Гевара замечает: народ — это лучшая армия; он великолепно понимает, какой отклик вызовет кубинская революция, как велико ее значение для стран Латинской Америки и для Соединенных Штатов. Он понимает, какая опасность угрожает этой революции. Но в заключение Гевара заявляет: «Куба не станет новой Гватемалой, положение совершенно иное, во всех аспектах. Здесь армия, правительство и полиция были подвергнуты полной чистке. Народ получил оружие...»

На каждом заводе, фабрике, в каждом кооперативе, университете сформированы отряды вооруженной милиции. В кооперативе «Свободная Куба», например, я видел, как солдаты обучали крестьян обращению с оружием, методам ведения партизанской войны.

В воскресенье на дорогах можно встретить марширующих жителей, отправляющихся на военные занятия.

Наш большой друг Николас Гильен, национальный поэт Кубы, поэт, пользующийся любовью всего мира, подписал вместе с группой интеллигентов, придерживающихся самых различных политических взглядов, манифест о создании в Гаване «милицейского отряда работников умственного труда». Я беседовал с некоторыми из этих писателей и артистов. Они считают, что возвращение к прошлому было бы настоящей катастрофой и что революционное правительство воплощает интересы народа. Не все они солидарны с движением 26 июля, но предпочли бы умереть, чем вновь испытать ужасы диктатуры. В манифесте говорится: «Сегодня никто не имеет права считать себя кубинцем, если не готов защищать с оружием в руках или любыми другими средствами, имеющимися в его распоряжении, это исключительное движение, отражающее высочайший уровень национального самосознания, когда бы то ни было достигнутый нашим народом».

500 студентов университета столицы стали членами милицейских отрядов. Тридцать тысяч юношей объединены в «юношеские патрули».

Вполне очевидно, что Соединенные Штаты и их сателлиты отнюдь не в восторге от этой ситуации. Они прекрасно знают, что начавшийся поединок имеет кардинальное значение для будущего Латинской Америки. Если такой маленькой стране, как Куба, расположенной в нескольких часах полета от Нью-Йорка, удастся сохранить независимую внешнюю и внутреннюю политику, осуществить радикальную аграрную реформу, то невозможно предугадать, какой это получит отклик во всем мире.

Вот почему США попытаются повторить свою гватемальскую акцию, несмотря на все трудности подобной авантюры, в 1960 году. Многое изменилось в мире с 1954 года.

***

Единство революционных сил Кубы является настоятельной необходимостью.

Я встречал в Гаване много десятков людей, испытавших все тяготы многолетнего подполья, с изумительным мужеством перенесших самые страшные пытки или участвовавших в сражениях в горах Сьерра Маэстра.

Теперь они работают в условиях полной легальности, при ярком свете дня.

...Кубинская революция — подлинная революция в политическом, экономическом и социальном смысле этого слова.

ПАРИЖ

Рудольф Сирге не прав

В ДЕКАБРЬСКОМ номере эстонского литературного журнала «Лооминг» за прошлый год напечатана статья Р. Сирге «Из-под спуда на чашу весов». Недавно газета «Сирп я васар» в ответ на это выступление опубликовала статью Э. Пялля «О положениях, с которыми трудно согласиться».

О чем идет спор?

О судьбах современного романа, его истинных и мнимых традициях, о подлинном и ложном новаторстве, о направлении дальнейшего развития эстонской прозы.

Поводом послужили итоги республиканского конкурса на лучший роман. Рудольф Сирге, председатель жюри конкурса, излагает свою точку зрения на наиболее значительные из «соревновавшихся» произведений и высказывает при этом некоторые общие соображения. В статье есть интересные наблюдения, справедливые критические замечания, порожденные искренней заботой о судьбе эстонской литературы. Нельзя, например, не поддержать Р. Сирге, когда он выражает тревогу об отсутствии на конкурсе романов, посвященных жизни рабочего класса, сегодняшнего колхозного крестьянства, — к нашим дням обращены всего два романа: «Жаворонки в поднебесье» В. Сар и «Мечты не умирают» Л. Метсара. Этого, конечно, мало...

Оценка некоторых конкурсных романов — как в целом, так и в деталях — в статье Р. Сирге представляется вовсе не бесспорной. Разумеется, право на личное мнение по отношению к той или иной книге имеет каждый литератор. Дело в другом: большая часть оценок Р. Сирге основывается на его общих соображениях о перспективах развития романа как жанра, — а именно здесь, в «теоретической» части, многие формулировки не столько спорны, сколько неправильны.

Р. Сирге усматривает в современном романе два типа произведений. В мировой литературе, считает он, доминирует роман, который «зачастую ограничивается парой сотен страниц», «в фокус берется всего один или пара героев, разносторонний, основательный анализ их духовной жизни». Р. Сирге противопоставляет этому роману иной — к нему он относит «господствующую, выдающуюся часть советских романов» и «эстонский советский роман последних лет», где «развивается многослойное внешнее действие, движутся большие массы действующих лиц, основной почвой столкновений является конкретная историческая борьба между представителями двух классов». Р. Сирге ориентирует писателей на роман первого типа, который представляется ему единственно современным; о романах же эпически широких в статье довольно пренебрежительно говорится, как о «гигантских словесных панно», где «пышно разрастается серое общее, но отсутствует яркая, своеобразная в неповторимых оттенках личность...»

Показательно, что свою общую концепцию Р. Сирге излагает в некоей абстрактной пустоте, без писателей, без произведений.

Стоит обратиться к известным фактам литературы, как обнаруживается нечто противоположное. «Хождение по мукам», «Тихий Дон», «Люди из захолустья», «Земля зеленая», «Берег ветров» — это ли не романы огромного эпического размаха? Но разве не изображено здесь с большой художественной силой то «индивидуально-психологическое», те неповторимые, живые человеческие характеры, которые хочет видеть в литературе Р. Сирге? А роман самого Р. Сирге «Земля и народ»? Это — крупное «панно», где, однако, нет «серого общего», это — книга с ярко обрисованными характерами...

Очевидно, противопоставление «человек — масса» несостоятельно. И литература социалистического реализма это блестяще доказала. Чем ярче, полнее обнаружены в «человеке» черты «массы», социальное, историческое, — тем весомее и значительнее литературный характер. Э. Пялль справедливо пишет: «Герой литературного произведения социалистического реализма не может ограничиться стенками... психологической ракушки. Он черпает свою жизненную силу в деятельности своего коллектива... в своем собственном труде, в своей деятельности в коллективе».

Противопоставление романа характеров роману - эпопее незакономерно. Есть слабые, многословные, водянистые романы, напрасно претендующие на широкое изображение эпохи, но достаточно существует и мещанских «чисто» психологических романов. Можно ли на негодных образцах построить убедительную теорию?

И, конечно, прав Э. Пялль, когда он утверждает: «Наш роман порой страдает расплывчатостью не потому, что в советском романе показывают конкретную историческую борьбу...» Вопрос в другом: не хватает мастерства, культуры, знаний. Роман-эпопея требует от художника огромного таланта и глубокого историзма.

У Р. Сирге, далее, выходит, что советский роман-эпопея, наследующий традиции русской классики, стоит где-то вне «мировой литературы». А как же быть, например, с Роменом Ролланом, Теодором Драйзером, Томасом Манном, с их эпическим творчеством, которое, по собственным свидетельствам этих писателей, развивалось под огромным влиянием «традиционной» русской классики? Опыт советской литературы не есть замкнутое, чисто «местное» явление. И сегодня ни один серьезный деятель мировой литературы не может пройти мимо этого опыта.

В своей статье Р. Сирге остается в кругу чисто формальной проблематики романа.

Внеисторическая концепция не может не породить и противоречивых оценок.

Называя одну из конкурсных книг — роман Р. Каугвера «На службе чужого меча» — «хорошим контрударом по некоторым произведениям деятелей эмиграции», Р. Сирге тут же добавляет, что «идеологический каркас» этого романа довольно расшатан и что Р. Каугвер «как бы забыл об идеологической ясности». Вот так «контрудар»! Не очень-то сходятся здесь у Р. Сирге концы с концами...

Да, прав Э. Пялль: статья «Из-под спуда на чашу весов» звучит странно в устах Рудольфа Сирге, серьезного, интересного писателя.

Григорий Степанович: Жизни ты не знаешь... Она, жизнь-то, строга — внимания требует... соблюдения правил...

Слава: Я за Лизу ручаюсь.

Григорий Степанович: Ты? *(Подошел к Славе, похлопал его по плечу.)* Успокоить хочешь... Ладно... Иди... Гуляй!..

(Ушел. Слава прошел в дом. В это время выходят Тамара Тимофеевна, Верочка, Антонина Васильевна, Тихон Тимофеевич, Роман Тимофеевич).

Верочка: Оставьте его в покое хотя бы сегодня! Роман Тимофеевич, вы были с ним так, мягко говоря, резки...

Антонина Васильевна: Ты, Веруня, в нашей семье человек новый и уж свои отметки нам не расставляй. Покойная жена Тихона, Елена...

Тихон Тимофеевич: А ты, Антонина, и живой моей жене отдавай должное.

Антонина Васильевна: Уж очень она у тебя молода, неопытна...

Верочка: Пусть так, но я преподаю и в чем-то лучше вашего знаю молодежь...

Роман Тимофеевич: Ну его к черту, этого Славку — из-за всякой дряни еще ссориться будем. Садитесь к столу, я уже опять проголодался. Свой желудок я после смерти ученым завещаю — пусть его изучают, так перемалывает! Жернова в нем, что ли, крутятся!.. *(Хохочет.)*

(Все рассаживаются вокруг стола.)

Тихон Тимофеевич: За Славкины успехи с удовольствием выпью. Жаль, Константина нет. Тамара, зови Святослава.

(Но Слава сам быстро выходит из дома.)

Тамара Тимофеевна: Славик, иди к столу.

Слава: Тетя Тамара!

Тамара Тимофеевна: Что тебе? *(Подошла к Славику.)*

Слава: Дайте мне ключ от входной двери.

Тамара Тимофеевна: Что?

Слава: Я сейчас ухожу.

Тамара Тимофеевна: Куда?

Слава: Мне надо.

Тамара Тимофеевна: Куда, я тебя спрашиваю?! *(Слава молчит.)*

(Всем): Можете полюбоваться на племянника — он, видите ли, куда-то собрался и даже не хочет сесть с нами за стол.

Слава: Я могу... минут на пять...

Тамара Тимофеевна: Нет уж, нам такого великодушного одолжения не надо! Ты останешься дома — и все!

Антонина Васильевна: Мы же, Слава, празднуем твою победу! Дела — они подождут...

Тамара Тимофеевна: Он еще ключ от входной двери потребовал.

Слава: Тетя!

Тихон Тимофеевич: Слава, ну посиди с нами пяток минут — потом пойдешь!

Роман Тимофеевич: А я не хочу! Подумаешь, одолжение от какого-то сопляка!

Верочка: Роман Тимофеевич, так нельзя!

Антонина Васильевна: А ты, Веруня, уж если сама влюблена, как кошка, то помолчи., Не порти молодежь.

Роман Тимофеевич *(Тамаре Тимофеевне)*: Хочешь, чтобы он остался?

Тамара Тимофеевна: Да.

Роман Тимофеевич *(вылез из-за стола, подошел к Славе)*: Ты что, думаешь, на тебя, героя, управы нет? *(Взял Славу за руку, сжал ее.)* Понял?!

Слава: Этот способ воздействия, дядя Рома, — самый рискованный, учтите.

Тамара Тимофеевна: Роман, отпусти его!

(Роман Тимофеевич отпустил Славу.)

Роман Тимофеевич: В университет еще такого приняли! На целину тебя надо, на Ангару, на Енисей...

Тихон Тимофеевич: Уж говори прямо — на каторгу.

Слава: До свидания.

(Ему ответили только Тихон Тимофеевич и Верочка. Слава ушел.)

Роман Тимофеевич: Да... Как говорят у нас на бойне,— был бычок!

Антонина Васильевна: Уж за успехи такого шампанского не проглотишь.

(За забором появляется соседка.)

Соседка: Пропала козочка!.. Пропала! Под электричку проклятую попала — люди добрые видели!.. *(Плачет. Вдруг злобно.)* Понастроили всякой своей дурацкой техники — машины, электрички, самолеты, вертолеты, на Луну собираются, а все равно толку нет! *(Плачет, упав на забор.)*

Тихон Тимофеевич: Вот и угоди людям! Один всю жизнь, действительно, к чему только не стремится — и на Луну, и на Марс, смысл жизни ищет, а другой — всю жизнь ищет свою козу.

(За забором показался Григорий Степанович.)

Тамара Тимофеевна: Еще этот... тут торчит!..

Григорий Степанович *(к Мите, который, стоя на крыльце, слушал всю сцену)*: Митюха! Она тебе даже краем слова не обмолвилась, куда пошла?

Митя: Нет.

Григорий Степанович: Ну, что ты будешь с ней делать! Уж два раза домой поздно приходила!.. Два раза!..

Тамара Тимофеевна: Кто? Лиза?!

Григорий Степанович: Она!

Тамара Тимофеевна: Два раза!.. Лиза!.. Этого только не хватало!

Григорий Степанович: Уж чего хуже, чего! *(Ушел к себе.)*

Тамара Тимофеевна: Вот уж чему не бывать, так не бывать! Вот уж чего не будет, так не будет, вот уж чего не допущу, так не допущу!..

Митя: Тамара Тимофеевна, вы думаете...

Верочка: А все-таки за Славку надо выпить, товарищи! Надо! *(Поднимает бокал шампанского.)* Кто присоединяется?

(Все одновременно.)

Тамара Тимофеевна *(про себя)*: Ну, до чего глупый, до чего глупый! Надо же так ничего не понимать в людях!..

Митя *(пытаясь достучаться до сознания Тамары Тимофеевны)*: Это совсем не то, что вы думаете! Не то!

Роман Тимофеевич *(про себя и в то же время всем)*: Бандит растет!.. В оборот его надо взять, да как следует!.. Бандит растет!..

Антонина Васильевна *(так же)*: Воображенья-то сколько! А? Глазами-то как ощетинился! А? Видели?

(Тихон Тимофеевич чокается с Верочкой.)

Занавес

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 16 6 февраля 1960 г. 3

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать через вашу газету сердечную благодарность моим дорогим друзьям, товарищам и организациям, поздравившим меня в день моего шестидесятилетия.

Антал ГИДАШ

Рабочая почта Литературной газеты Рабочая почта

В гор. Баку построено новое здание — Дворец книги — республиканская библиотека.
Рисунок читателя «Литературной газеты» Ир. Пичхадзе.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР...

«Репин из-под полы...»

ПЯТОГО января в «Литературной газете» под рубрикой «Слушается дело» была помещена статья О. и А. Лавровых «Репин из-под полы...». В ней рассказывалось о спекулятивных махинациях П. Абашина и С. Скидан, наживших на перепродаже полотен всемирно известных художников. В статье сообщалось о странном решении следственных органов, постановивших дело прекратить, а картины возвратить спекулянтам.

...Мы разбираем письма, пришедшие из самых разных уголков нашей страны. Разные люди и, на первый взгляд, далекие в своей повседневной жизни от искусства! И вот десятки страстных откликов, выражающих и гнев и искреннюю, глубоко личную тревогу людей за судьбу полотен, принадлежащих кисти Левитана, Репина, Врубеля, Тициана, Ван-Гога.

Читая одно за другим эти письма, невольно начинаешь воспринимать их не как разрозненные отклики на некое уголовное дело, а как продолжение большого общественного разговора о месте искусства в нашей жизни, разговора, развернувшегося сейчас на страницах многих газет.

Для читателей, отозвавшихся на статью «Репин из-под полы...», вопрос: «Нужно ли сегодня искусство?» — не только не стоит, но вовсе не возможен. Нет ни одного письма, в котором проскальзывало бы равнодушие: к чему весь этот шум, кому в наш век нужен Ван-Гог?

«С беспредельным возмущением прочел я в вашей газете заметку «Репин из-под полы...», — пишет расточник Михаил Шустов из Куйбышева. — **Да таких, как Абашин и Скидан, по-моему, надо судить на городской площади, при всем народе! Честное слово, я не шучу».**

А вот другое письмо: «...**От души хочется пожать руки сотрудников ОБХСС, возбудивших следствие против Абашина и Скидан, и пожелать первым успеха... Нет, ни за что нельзя возвращать чудесные картины спекулятивным хапугам! Искусство принадлежит народу, т. е. всем нам, и правильно написано в газете: картины должны быть в музеях!.. Я прошу мой отзыв напечатать.**

Машинист завода «Узбекхиммаш» М. Н. Спиридонов».

В наше время, говорится во многих письмах, полотна великих художников должны принадлежать государству, и оно должно приобретать их без всяких посредников. «Заготовители» типа Агашина не нужны.

Читатели обращаются и к владельцам больших частных коллекций. «**Картины, находящиеся в личных собраниях, фактически скрыты от глаз народа. Лишь некоторые из них экспонируются от случая к случаю на юбилейных выставках**», — пишет Д. Палей. А ведь музеи, посещаемые миллионами людей, — это могучий фактор эстетического воспитания, важность которого невозможно оспаривать. Какое поистине гуманное дело совершат те, кто, имея в личном пользовании картины мастеров, даст возможность видеть их тысячам своих сограждан.

В этом смысле любопытно письмо группы читателей из старинного русского села Холуй. Они сообщают нам: «**В феврале 1959 г. мы организовали у себя музей народного искусства. Все жители села несли сюда в виде дара произведения народного творчества: иконы 300-летней давности, старинные вышивки, искусно сработанные предметы быта, драгоценные миниатюры прославленных умельцев. Это была демонстрация подлинного патриотизма**».

«**Очень хочется, чтобы дело, которое слушается, было выиграно в нашу пользу, т. е. в пользу народа**», — пишет из Витебска О. Зарудная.

Мы можем сообщить читателям, что решение о прекращении дела П. Абашина и С. Скидан Прокуратурой СССР отменено. Следствие продолжается.

При свете лампады

НЕДАВНО «Литературная газета» получила интересное читательское письмо из Калинина. Я поехал в этот город. Товарищеский суд на Калининском вагоностроительном заводе рассматривал необычное дело. Жена слесаря Константина Арсеньева, мать двух детей, решила разойтись с мужем и обратилась за помощью к общественности. Анастасия Арсеньева нарисовала картину несчастной семейной жизни.

Представители общественности выехали в деревню Сакулино, где живут Арсеньевы. Их дом запущен. В комнате — смрад и мрак. Только лампада освещала угол с иконами. В люльке лежал мальчик с крестиком на шее, на кровати сидела больная девочка в грязных лохмотьях, тоже с медным крестиком.

— Зачем тебе этот крестик? — спросили у девочки.

— Это мне мама повесила.

— Ты разве умеешь молиться?

— Да, я молюсь боженьке.

— А книжки тебе читают?

— Такие, в которых боженька нарисован...

«Дело» Арсеньевых и судьба их детей взволновали коллектив завода. Оказывается, Анастасия Арсеньева днем и ночью до исступления молится в церкви и дома. Дети заброшены, семья распалась. Арсеньева решила развестись с мужем, не верующим в бога.

— Бог мне дороже мужа! — сказала она на товарищеском суде.

Вот в какую трясину затянули церковники эту женщину! Можно ли доверить фанатичке воспитание детей? Если Арсеньева не одумается, общественности и органам народного образования придется, вероятно, передать ее ребят на воспитание государству. Такой опыт имеется. В 1-м детском доме города Калинина уже воспитываются два мальчика, которых общественность взяла из семьи религиозных фанатиков.

Интересно, что на товарищеском суде в Калинине в защиту Анастасии Арсеньевой выступили некоторые ее односельчане из Сакулино. Но они защищали не семью и детей, а право Арсеньевой на свободу религиозных убеждений. Что ж, такое право у нее есть. Но нет у нее права уродовать жизнь детей. И, вероятно, необходимо перенести спор атеистов и верующих, возникший на заводе, в деревню Сакулино, где еще довольно сильны религиозные предрассудки. Долг общественности—довести этот спор до конца: «дело» семьи Арсеньевых стало общественным делом.

Общественность — огромная сила в борьбе с религиозными пережитками, но пользоваться ею надо умно, гибко, умело.

В «Литературную газету» недавно пришло письмо из Ивановской области от Руфины П. Молодую женщину исключили из комсомола и уволили с работы за то, что она согласилась крестить своего ребенка. Вот что она написала: «Я живу в доме свекрови, религиозной женщины, которая не брала моего новорожденного сына на руки, называла «нехристем», угрожала разбить ему голову, если он не будет крещен в церкви. Мне было очень тяжело, тем более, что и муж был на стороне своей матери. Я не устояла перед угрозами свекрови и настояниями мужа. Да я виновата! Но ведь я—советская женщина, комсомолка, в бога никогда не верила и не верю. В церкви никогда не бывала. Теперь же я осталась вне рядов комсомола, без работы, одна со своим горем, под одной крышей с религиозно настроенными родственниками».

Мы поехали в Ивановскую область, встретились с Руфиной П. Молодая мать переживает подлинную трагедию. Действительно, ей, комсомолке, колхозному библиотекарю, пришлось жить в доме, где никогда не угасает лампада, где вера в бога доведена до фанатизма.

Даже муж убеждал Руфину:

— Надо крестить сына. Такой в нашей деревне обычай, против него восставать нельзя!

Руфина не выдержала, согласилась, и ребенка тайком окрестили в соседнем селе. Мы не оправдываем молодую женщину. Но по-человечески понятно, что у нее не хватило сил для борьбы в одиночку с религиозными фанатиками. Комсомолка нуждалась в поддержке, товарищеском совете. Однако на селе никто не поинтересовался, что же происходит в доме, где постоянно горят лампады. Когда районные организации узнали, что комсомолка крестила сына, они начали «принимать меры»: Руфина была освобождена от работы в библиотеке «по собственному желанию», а затем ее вызвали в Ивановский райком ВЛКСМ и исключили из комсомола. После этого на заседании бюро ее спросили:

— Что ты намерена делать дальше? Решила ли ты оставить мужа и уйти из религиозной семьи?..

Молодая женщина заболела, ее вместе с ребенком поместили в больницу. Оттуда она и прислала в редакцию полное отчаяния письмо.

Позднее, в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заведующий отделом пропаганды и агитации райкома КПСС тов. Юдин и секретарь райкома ВЛКСМ тов. Балашов признали:

— Да, мы виноваты, очень виноваты. Позабыли о комсомолке, не сумели вовремя помочь ей в борьбе с религиозно настроенными родственниками...

Сейчас ошибка исправлена. Руфину П. восстановили в комсомоле. Надо надеяться, что и семья ее сохранится. Но сколько подобных трагедий еще совершается и зреет в тех местах, где общественность не борется с религией, где церковь имеет возможность улавливать слабые «души» в свои тенета!..

Не так давно я был в Скопине Рязанской области. За последние годы город сильно изменился, там выстроен отличный Дворец культуры, открыты новые библиотеки и школы. Но на окраине города, за высокой кладбищенской оградой, стоит низенькая бревенчатая избушка: «Комната для крестин». Я вошел в избу. В ней две купели — для детей и для взрослых. В избе людно, тесно. Собрались женщины, мужчины, школьники. Священник Никанор Воеводин берет детей и, бормоча молитвы, погружает в купель. На моих глазах в то утро отец Никанор, не меняя воды в купели, окрестил 22 ребенка!

Так в Скопине рядом с новым Дворцом культуры уживается и дряхлая кладбищенская избушка, а городские власти не решаются потревожить этот рассадник невежества, грязи и болезней.

По этому вопросу мы беседовали с руководящими работниками города. Председатель исполкома Скопинского городского Совета тов. Гавриков сказал:

— Признаться, я в той избушке никогда не был...

Заведующая городским отделом здравоохранения тов. Большакова ответила:

— Мы следим за санитарным состоянием рынка, ресторанов, закусочных...

А руководитель отдела культуры Скопинского горисполкома тов. Мотовилов даже возмутился:

— Вы хотите, чтобы я пошел в церковь? Нет, нет, делать этого я не стану! Чего доброго, по городу пойдет молва, что я верующий!..

Откуда такой страх перед церковью? Разве с таким настроением можно вести боевую атеистическую пропаганду в массах?

И церковники пользуются такой политикой «непротивления злу». В городе Лубны на Полтавщине местный священник Николай Назаревский крестит детей у себя на дому, причем в самых антисанитарных условиях. Городские организации об этом знают, но тоже молчат. Почему?

А иногда дело доходит и до преступлений. Недавно в магнитогорской церкви по вине священника захлебнулся в купели и умер ребенок Володя Марченко, а в Колхозном районе Челябинской области во время обряда погиб под ножом муллы трехлетний мальчик. «Надо призвать к порядку мракобесов!» — требует в своем письме в редакцию «Литературной газеты» тов. Левков, судебномедицинский эксперт.

Да, советская Конституция гарантирует гражданам СССР свободу религиозных убеждений. Но если служители религиозных культов действуют вопреки нормам нашего социалистического общежития, калечат детей, создают трагедии в семьях, то мириться с этим нельзя.

В. И. Ленин в декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» особо выделил пункт о правах советских граждан в борьбе с религиозным дурманом:

«Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики».

И далее: «Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности».

Здесь предельно ясно, по-ленински определены задачи общественных организаций и местных властей в борьбе с религиозными предрассудками. И речь идет не только о боевой атеистической пропаганде, но и о защите гражданских прав, об охране общественного порядка.

П. ИЛЬЯШЕНКО

ПРИВЕТСТВИЕ БОЛГАРСКИХ ДРУЗЕЙ

В связи с 100-летием со дня рождения Антона Павловича Чехова торжественное собрание общественности города Софии прислало в адрес Союза писателей СССР поздравительную телеграмму. В телеграмме говорится о глубоком чувстве благоговения, с которым болгарский народ чтит память замечательного писателя-гуманиста, верного защитника обездоленных и угнетенных, неутомимого борца за счастье простого человека, за правду и свободу.

— Следуя славным традициям русских классиков, в том числе Чехова, — говорится в телеграмме, — советская литература добилась величайших успехов и, твердо держась принципов социалистического реализма, стала ведущей литературой мира.

Телеграмма заканчивается горячей благодарностью великому русскому народу, необъятной русской земле, давшей миру незабвенного, неповторимого Чехова.

ВЕЖЛИВОСТЬ

Фотоэтюд читателя «Литературной газеты» И. Мансурова (г. Оренбург)

ПИСЬМО ИЗ ИЗРАИЛЯ

Пылкие симпатии к свастике

В НАЧАЛЕ января в Тель-Авиве состоялась мощная демонстрация протеста против угрозы неонацизма в Западной Германии и волны антисемитских вылазок, прокатившейся по большинству капиталистических стран. Общественность Израиля была возмущена не только фашистскими провокациями, но и проаденауэровской политикой Бен-Гуриона. Израильский премьер всячески пытается обелить правящие круги Бонна, дабы окончательно втянуть нашу страну в орбиту агрессивного блока НАТО. Тысячи граждан Израиля, вышедших на демонстрацию по призыву Абрама Адольфа Бермана — одного из вождей восстания в варшавском гетто, потребовали аннулировать позорную сделку кабинета Бен-Гуриона, прекратить продажу оружия боннским реваншистам.

По правде говоря, волна антисемитизма, начавшаяся в ФРГ, как громом поразила официальные круги и правительство Израиля. В последние месяцы правительственная печать проводила последовательную кампанию восхваления Западной Германии и систематической клеветы на Германскую Демократическую Республику: хоть в ГДР и искоренен самым решительным образом антисемитизм, но все-таки это государство социалистическое и в качестве такового имело несчастье навлечь на себя гнев нашего правительства... Так, господин Бен-Гурион заявил недавно корреспонденту газеты «Гаарец»: «Я считаю, что народ Восточной Германии не что иное, как скопище преступников и негодяев, ибо они не чувствуют за собой вины за содеянное, а в Западной Германии свою ответственность признало все население, включая и тех, кто не сделал ничего плохого». Одновременно Бен-Гурион яростно отрицал тот факт, что нацистские элементы играют доминирующую роль в государственном аппарате ФРГ. По его мнению, молодое поколение Западной Германии коренным образом изменилось.

Но вот иллюзии рассеялись. И тогда правительство развязало оголтелую кампанию оглупления народа, стремясь помешать общественному мнению разобраться в происхождении и подлинной сущности неонацизма. Ведь цель правительственной политики — любой ценой сблизиться с государством, оказывающим наиболее упорное сопротивление мирной инициативе СССР, государством, в котором Бен-Гурион надеется найти союзника в борьбе против национально-освободительного движения арабов, — с Федеративной Республикой Германии. Главный редактор газеты «Едиот Ахронот», доктор Герцль Розенблюм, с которым Бен-Гурион часто делится своими сокровенными мыслями, писал 8 января: «Это Россия заинтересована в распространении антисемитизма!» В согласии с этим он утверждал, что коммунисты — подлинные авторы антисемитских брошюр, что это они рисуют повсюду свастику, короче говоря, делают все, лишь бы скомпрометировать бедных боннских экс-гитлеровцев!

Между тем возмущение, вызванное в нашей стране волной антисемитских выступлений, заставило некоторые оппозиционные группы последовать примеру компартии Израиля и потребовать обсуждения этого вопроса в кнесете. Но правительство не допустило этого, как не допустило оно и обсуждения Обращения Верховного Совета СССР к парламентам и правительствам о разоружении. Самое смешное состоит в том, что одновременно правительство обратилось ко всем парламентам мира с просьбой... обсудить вопрос об антисемитской угрозе! С трогательной заботой правительственная декларация пытается снять с Бонна какую бы то ни было ответственность за антисемитские провокации.

Отказ кабинета Бен-Гуриона обсудить в парламенте Обращение Верховного Совета СССР о всеобщем разоружении отражает враждебную Советскому Союзу позицию правительства. Г-н Бен-Гурион пытался даже обвинить Советское правительство в том, что оно помогает некоторым арабским странам. Депутат-коммунист Сне резонно возразил, что наш кабинет министров даже не думает высказаться против массовых поставок американского оружия, против проектов создания американских баз в некоторых странах Ближнего Востока. Он указал, что кабинет Бен-Гуриона, выражающий столь сильное беспокойство по поводу советской помощи некоторым арабским странам, в то же время не собирается принять или как-то поддержать советское предложение о прекращении поставок оружия странам Среднего Востока.

Знаменательный факт: 11 января израильская печать сообщила, что правительство одобрило назначение в Израиль специального уполномоченного 6-го средиземноморского флота США.

Все это показывает, что кабинет Бен-Гуриона не желает делать никаких выводов из провокационных актов и антисемитских вылазок в ряде капиталистических стран, в первую очередь — в стране, где существует столь любезное его сердцу союзное (хоть и не официально) правительство доктора Аденауэра. Самое уродливое и смешное состоит в том, что д-р Аденауэр упорно отказывается установить дипломатические отношения с правительством Израиля, а последнее, забыв о национальном достоинстве, беспрестанно осыпает его любезностями и комплиментами. Ослепленный своей традиционной политикой, рьяный защитник империализма, Бен-Гурион делает ставку на лагерь неонацистов, так как видит в них наиболее мощный оплот реакционных сил.

Но народ Израиля придерживается иной точки зрения. Он не желает дружить с гитлеровскими убийцами и их друзьями, он хочет мира, независимости и дружбы с народами, которые борются против угрозы новой войны, против расовых преследований и национального угнетения.

Е. ПАЛЬДИ

ТЕЛЬ-АВИВ

Вреден ли «Том Сойер»?

Б. САРНОВ

В РЕДАКЦИЮ пришло возмущенное письмо. Автор письма сообщал, что он, будучи человеком интеллигентным, всегда старался следить, какие книги читает его сын. И вот недавно он обнаружил у него книгу некоего Марка Твена «Приключения Тома Сойера». В книге этой рассказывается о сомнительных похождениях маленького сорванца, распущенного и испорченного мальчишки. Он хулиганит в школе, издевается над учителями, ворует, обманывает тетку, курит, целуется с девочками. Книга пропитана идеологией буржуазного накопительства. Примерно две трети ее посвящены описанию поисков какого-то клада... «Как такая книга могла быть пропущена?» — недоумевал автор письма. По его мнению, ничего, кроме вреда, она советским детям принести не может. В самой категорической форме он требовал, чтобы ее немедленно изъяли из продажи.

Можно просто посмеяться над этой историей. Но лучше все-таки задуматься: как дошел человек до жизни такой? Что определило это уродливое, ненормальное восприятие прекрасной книги?

Откуда эта «глухота»? Ведь не может она быть врожденной. В чем же ее причина?

Мне кажется, причина несчастья (а неспособность испытывать художественное наслаждение — это, конечно, несчастье) в данном случае связана с тем, что автор письма, по его собственному признанию, в обязательном порядке прочитывал все книги, предназначавшиеся для его сына. По несчастливой случайности, вместо «Детства Никиты» А. Н. Толстого и «Школы» Гайдара ему попалось около десятка книг, главным сюжетным мотивом которых было получение двойки или исправление двойки. В этих книгах действовали и разговаривали (преимущественно разговаривали) отвратительно прилежные мальчики, по сравнению с которыми благонравный брат Тома Сойера — Сид мог показаться живым подтверждением теории наследственной преступности.

А ведь бывает, что человеку «не повезет» не только с детскими книгами...

ВОТ один из великого множества возможных примеров.

В одном из летних номеров «Нового мира» появился цикл рассказов молодого литератора Юрия Куранова «Лето на Севере».

По-разному можно отнестись к этим маленьким рассказам. Одно несомненно: в литературу пришел новый человек, безусловно одаренный, умеющий по-своему видеть, остро чувствующий тончайшие оттенки живого слова.

Рассказы сразу были замечены. Многих они обрадовали, а нашего бдительного читателя возмутили.

Вот что пишет о Куранове один из тех, кого возмутили его рассказы:

«...сам он, видимо, не задумывался над этими образами и словами, которые есть результат либо плохого знания русского языка, либо острого желания автора Ю. Куранова сказать не так, как говорят все люди... Судите сами, товарищи, хотя бы по таким примерам...»

Какие же сочетания слов кажутся автору этого письма результатом плохого знания русского языка?

«Прохладный запах», «ласточки... требовательно летали надо мной», «радостно лег в темноту». Последнее выражение его особенно возмутило. «Не «в темноте», а именно «в темноту», как «в перину», — замечает он иронически. У Куранова девушка «осторожно, словно высвобождая мелодию из-под каких-то приятных воспоминаний, поет мальчишескую заплевку». Наш читатель искренне недоумевает: «Как можно высвободить мелодию из-под чего бы то ни было, словно банку из-под варенья?»

Характерно, что возмущение автора письма вызывают именно те обороты и сочетания слов, которые несут в себе образ. Иначе говоря, его раздражает все, что содержит хотя бы клеточку, первоэлемент художественности.

Впрочем, иногда такого бдительного читателя раздражают не только отдельные фразы и словосочетания. Иногда он активно не приемлет все произведение в целом.

Вот, например, ему попалось на глаза стихотворение Роберта Бернса «Ночлег в пути»:

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.
По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти...
...Она подушку принесла
Под изголовье мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.
В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!
Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.
А грудь ее была крутла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.
Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.
Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час...

Стихи оставляют в душе удивительное ощущение поэзии и чистоты. И поэтому они чудесны. Так воспримет их каждый неискушенный человек, каждый непосредственный читатель. Но наш бдительный читатель, уже несколько понаторевший в чтении стихов, посвященных проблемам морального кодекса, реагирует иначе.

«Какую мораль проповедует автор? — негодует он. — Какой пример подает молодежи, рассказывая о своих сомнительных похождениях? Для чего понадобилось ему тащить в поэзию всю эту грязь?»

Иногда такой читатель настроен более мягко. Он не возмущается, а просто советует. Он преисполнен самых благих намерений. Он хочет подсказать автору, как исправить стихи, сделать их лучше.

«Конечно, нехорошо, если девушка уступает первому встречному. Но, по-видимому, факт, имевший место, был ошибкой молодости. Это бывает. Не следовало только облекать его в такие чисто биологические формы, как это сделал автор. И разве так надо было писать автору о своей героине, помог ли он ей? Нет, не помог, так как не предостерег от повторения той ошибки в жизни, которую она допустила».

Эти советы он дает вполне доброжелательно и бескорыстно. Он искренне хочет помочь бестолковому автору. Его ничуть не смутит, если «бестолковым автором» окажется Шекспир или Толстой. Посмотрев «Ромео и Джульетту», он гневно спросит: «Чему может научить нашу молодежь это глубоко пессимистическое произведение, герои которого поставили личное выше общественного?». Прочитав «Анну Каренину», он глубокомысленно заметит, что книга была бы гораздо ценнее, если бы Анна ушла от царского чиновника не к светскому бездельнику, а к человеку прогрессивному, ненавидящему самодержавие.

МАРКС писал в подготовительных работах для «Святого семейства»:

«...только музыка пробуждает музыкальное чувство человека; для немузыкального уха прекраснейшая музыка не имеет никакого смысла, она для него не есть предмет...»

Точно так же, как благодаря музыке создается «музыкальное ухо» (то есть музыкальная культура, умение воспринимать и понимать музыку), точно так же, как благодаря изобразительным искусствам воспитывается умение воспринимать и понимать живопись, рисунок, скульптуру, — так и художественная литература воспитывает в человеке способность воспринимать произведения литературы как особую, образную форму мышления.

Но если читатель воспитан на книгах, в которых писатель не мыслит образами, а заранее заданную мысль облекает в подобие образной формы, то нет ничего удивительного в том, что его способность воспринимать настоящую литературу оказывается утраченной.

Значит ли это, что для такого читателя восприятие художественной литературы закрыто навсегда?

Конечно, не значит.

Посоветовать ему можно только одно: учиться, воспитывать свой вкус. Учиться читать книги так же, как учатся смотреть хорошую живопись, как учатся слушать хорошую музыку.

В этом такому читателю могут помочь университеты культуры, должна помочь критика.

Вспомним, какие требования предъявлял критикам Л. Н. Толстой:

«...Для критики искусства нужны люди, которые ... постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений».

ЧИТАТЕЛЬ участвует в процессе создания книги. Эту истину повторяли так часто, что она утратила свой первоначальный, буквальный смысл. Между тем мысль эта имеет вполне определенное и очень конкретное содержание. Какой окажется написанная книга, да и вообще будет она написана или нет, — это и в самом деле зависит не только от писателя, но и от читателя.

У каждого писателя есть мечта о еще не написанной, самой главной своей книге. Была такая мечта и у поэтессы Ольги Берггольц.

В 1954 году на страницах «Нового мира» в автобиографических записках «Поездка прошлого года» писательница поделилась этой мечтой с читателями. Она говорила о том, какой именно рисуется ей эта ее ненаписанная главная книга, книга — «исповедь сына века».

«Я получила очень много писем... — рассказывает Ольга Берггольц. — И — кое-кому это может показаться невероятным — больше всего писем было о «главной книге».

Среди них было письмо старой учительницы из подмосковной деревни, письмо донецкого шахтера-красногвардейца, письмо старика лесовода...

Они писали о том, какой видят они мою главную книгу, они рассказывали о своей жизни, приписывая в конце: «Может быть, это понадобится для вашей главной книги».

Ольга Берггольц написала книгу, о которой мечтала. Во всяком случае, она написала какую-то очень существенную ее часть. Желающие могут прочесть ее в «Новом мире» (№ 7, 1959). Многие, вероятно, уже читали.

То, что опубликовано в седьмом номере «Нового мира», писательница называет черновиком, первоначальным наброском все той же, будущей главной книги своей. Но если это только черновик, почему же она решилась его опубликовать? Она так отвечает на этот вопрос:

«Главную книгу невозможно воздать в стерильных редакционных недрах, в наиблагополучнейшем кабинетном уединении. Записи к ней необходимо, по-моему, выносить на люди. Это не гордыня, это надежда на помощь читателя... Если что-нибудь и не будет досказано мною, я знаю... что читатель, который вместе со мною пишет нашу главную книгу, поймет меня до конца».

«Читатель... вместе со мною пишет нашу главную книгу...» Это не броская фраза, не «художественный образ». Письма читателей дали Ольге Берггольц нечто неизмеримо большее, чем материал для книги. Они дали ей уверенность в том, что ее будущая книга необходима людям. А разве есть для писателя что-нибудь более важное, более нужное, чем эта уверенность?

В данном случае, может быть, и так, возразят мне на это, но обычно ведь бывает иначе. Как правило, читатель знать не знает и ведать не ведает, как пишутся книги, которые в будущем ему доведется прочесть.

Да, история создания «главной книги» Ольги Берггольц не совсем обычна. Это и в самом деле исключительный случай. Но исключительность его только подчеркивает, обнажает, заостряет обычное.

«ХУДОЖНИК заряжен лишь однополой силой. Для потока творчества нужен второй полюс. — вниматель, сопереживатель», — писал А. Н. Толстой. Он признался однажды: «Из своего писательского опыта я знаю, что напряжение и качество той вещи, какую пишу, зависит от моего первоначально заданного представления о читателе».

Поэтому так счастлив бывает каждый литератор, когда на его имя вдруг приходит письмо от читателя — от того, единственного, настоящего читателя, ради которого он живет и работает. Это письмо внешне ничем не отличается от других писем, в которых писатели просят отобразить жизнь пищевиков (или пожарников, или работников горфинотдела), а то и упрекают его в том, что он исказил образ советского пищевика (или пожарника, или работника горфинотдела).

В этом письме может быть всего несколько слов. Но, прочитав их, писатель испытывает огромную, ни с чем не сравнимую радость. Еще бы! Его книга дошла до сердца читателя, заняла в нем свое место. Это значит, что она сравнялась с многими великими книгами, потому что сердце читателя — это совсем особая страна. Там нет привычной литературоведческой табели о рангах: «великий», «выдающийся», «замечательный», «известный». Там существует только одна категория: «Это мое».

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ГЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат—К 4-04-62, отделы: русской литературы—Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства—К 4-84-28, информации—К 4-08-69, писем—Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02431